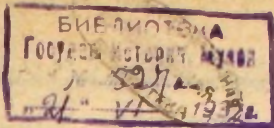

1917 годъ.

Цѣна 35 к. На жел. дор.—40 к.

Голосъ Толстого

и

№ 3.

„ЕДИНЕНІЕ“.

— годъ
изданія I.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

Подъ редакціей В. Г. Черткова.

Адресъ Редакціи и Конторы: Книжный магазинъ „Посредникъ“ для „Единенія“, Москва, Петровскія линіи, № 1.

СОДЕРЖАНІЕ. Голосъ Толстого: Къ народу.—Наше жизнепониманіе. — Безъ вѣры жить нельзя. Единеніе: Памяти 89-й годовщины дня рожденія Л. Н. Толстого. Захаръ Кузнецовъ.—Толстой. Ариидъ Ернефельтъ.—Къ современникамъ Толстого.—О смертной казни. В. Чертковъ.—Къ интеллигентамъ міра (съ итальянск.).—Анархія. В. Медвѣдковъ.—Сказка про дурня. В. Медвѣдковъ.—О самоуправленіи. К. Даніель.—Участникамъ Государственного Совѣщанія. С. Блѣнский.—Движеніе въ пользу мира.—Обзоръ печати.—Обмѣнъ мыслей.—Хроника.

Голосъ Толстого.

Къ народу¹⁾.

(Подъ народомъ я разумѣю весь русскій народъ, но преимущественно рабочій земледѣльскій народъ, тотъ, на трудахъ котораго держится жизнь всѣхъ остальныхъ).

Вы, русскій рабочій народъ, преимущественно земледѣльскій, крестьяне, находитесь теперь въ Россіи въ особенно трудномъ положеніи. Какъ ни трудно было вамъ жить на малой землѣ при большихъ податяхъ и при пошлинахъ и при войнахъ, которыя затѣвало правительство, вы жили до самаго послѣдняго времени, вѣря въ царя, въ то, что безъ царя и его власти нельзя жить, и покорно повиновались правительству.

Какъ ни дурно правило вами царское правительство, вы покорно повиновались ему до тѣхъ поръ, пока оно было одно. Но вотъ, теперь, когда сдѣлалось то, что одна часть народа взбунтовалась и перестала повиноваться царскому правительству, стала воевать съ нимъ, когда во многихъ мѣстахъ вмѣсто одного правительства стало два и каждое требуетъ себѣ повиновенія, то вамъ нельзя уже, какъ прежде, не разбирая, хорошо ли, дурно ли управляетъ вами правительство, покорно повиноваться тому, какое есть, а приходится выбирать: какому изъ двухъ повиноваться? Что же вамъ дѣлать? Не тѣмъ десяткамъ тысячъ рабочихъ, которые суеются и мечутся по городамъ, а вамъ, большому, настоящему, стомилліонному земледѣльческому народу?

Старое царское правительство говоритъ вамъ: «не слушайте бунтовщиковъ: они обѣщаютъ много, но обманутъ васъ. Оставайтесь вѣрными мнѣ, и я удовлетворю всѣ ваши нужды».

Бунтовщики говорятъ: «не вѣрьте царскому правительству: какъ оно всегда мучило васъ, такъ и будетъ продолжать мучить. Присоединитесь къ намъ, помогите намъ, и мы устроимъ вамъ такое же, какъ въ самыхъ свободныхъ государствахъ, правительство. Тогда вы сами будете выбирать своихъ правителей, сами управлять собою и сами исправите всѣ свои нужды».

Что же вамъ дѣлать?

Поддерживать старое правительство? Но вѣдь старое правительство давно уже обѣщаетъ заняться вашими нуждами, но не только не облегчаетъ ихъ, но только усиливаетъ ваши главные нужды: нужду земельную, податную, солдатскую.

Пристать къ бунтовщикамъ? Бунтовщики обѣщаютъ то, что устроятъ вамъ такое же выборное правительство, какъ въ самыхъ свободныхъ государствахъ. Но вѣдь вездѣ, гдѣ устроены такія выборныя правительства, въ самыхъ свободныхъ государствахъ, какъ въ французской и американской республикахъ, точно такъ же, какъ и у насъ, не облегчены главные пужды народныя: вездѣ, какъ и у насъ, и еще больше, чѣмъ у насъ, земля въ рукахъ богачей; и точно такъ же, какъ у насъ не спрашивая народъ, обкладываютъ его податями и пошлинами; и такъ же, какъ у насъ, не спрашивая его, содержатъ войска и объявляютъ войны и воюютъ, когда это нужно тѣмъ, кто властвуетъ. И, кромѣ того, новое правительство не установилось, и еще неизвѣстно, каково оно будетъ.

Но мало того, что вамъ нѣтъ выгоды пристать къ тому или другому правительству: вамъ и нельзя по совѣсти, передъ Богомъ этого сдѣлать. Защищать старое правительство значитъ дѣлать то, что дѣлалось въ послѣднее время въ Одессѣ, Севастополѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Кавказѣ, Москвѣ: ловить, убивать, вѣшать, жечь живыми, казнить, стрѣлять по улицамъ, убивать дѣтей, женщинъ. Пристать же къ революціонерамъ значитъ дѣлать то же самое: убивать людей, взрывать, жечь, грабить, воевать съ солдатами, казнить, вѣшать.

И потому вамъ, рабочему христіанскому народу, теперь, когда царское правительство зоветъ васъ воевать противъ братьевъ и къ тому же зовутъ васъ революціонеры, вамъ уже не для своей выгоды, а передъ Богомъ и своей совѣстью явно нужно и должно только одно: не приставать ни къ старому, ни къ новому правительству и не участвовать въ нехристіанскихъ дѣлахъ ни того, ни другого.

А не участвовать въ дѣлахъ стараго правительства значитъ: не служить въ солдатахъ, въ полиціи, въ стражникахъ, городовыхъ, десятекихъ; не служить ни въ какихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, властяхъ, земствахъ, собраніяхъ, думахъ. Не участвовать же въ дѣлахъ революціонеровъ значитъ: не составлять собраній, союзовъ, стачекъ, не жечь и не разорять чужіе дома, не присоединяться къ вооруженнымъ возстаніямъ.

Надъ вами стало теперь два враждебныхъ другъ другу правительства, и оба призываютъ васъ къ злымъ, нехристіанскимъ дѣламъ. Что же вамъ дѣлать иного, какъ не отказаться отъ всякаго правительства?

Говорятъ, что трудно и даже невозможно жить безъ

¹⁾ Настоящее обращеніе составляетъ III-тью главу статьи Л. Н. Толстого «Обращеніе къ русскимъ людямъ», напечатанной нами въ 1906 г., но тогда же конфискованной и уничтоженной. Такъ что можно считать, что статья эта появляется въ печати впервые. *Ред.*

правительства, но вѣдь вы, русскіе рабочіе, особенно земледѣльческіе люди, знаете, что, когда живете по деревнямъ мирной, трудолюбивой, деревенской жизнью, пользуясь на равныхъ правахъ землей и рѣшая свои общественныя дѣла міромъ, правительство вамъ совсѣмъ не бываетъ нужно.

Вы нужны для правительства, но правительство не нужно вамъ, русскимъ земледѣльческимъ людямъ. И потому въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда одинаково дурно присоединяться къ тому или другому правительству, вамъ, русскимъ земледѣльческимъ людямъ, и разумно и благотворительно не повиноваться никакому правительству.

Но если это такъ для земледѣльческаго народа, то что дѣлать фабричнымъ, заводскимъ рабочимъ, которыхъ во многихъ краяхъ больше, чѣмъ земледѣльцевъ, и жизнь которыхъ вся во власти правительства?

То же самое, что и сельскимъ рабочимъ: *не повиноваться никакому правительству* и всѣми силами стараться воротить къ земледѣльческой жизни.

Только перестаньте, городской рабочей народъ, такъ же, какъ и сельскій, повиноваться правительству, служить ему, — и уничтожится власть правительства, а съ уничтоженіемъ этой власти сами собою уничтожатся тѣ условія рабства, въ которомъ вы живете, потому что поддерживаются эти условія только насильнической властью правительства. А насильническую власть составляете вы сами. Только эта власть накладываетъ пошлины на ввозимые и вывозимые предметы, только она собираетъ пошлины съ предметовъ внутренняго производства, только правительственная власть устанавливаетъ законы, поддерживающіе монополію частныхъ лицъ и право собственности на землю, только эта власть, распоряжаясь войскомъ, которое вы сами поставляете ей, держитъ васъ въ постоянной зависимости и покорности отъ себя и своихъ помощниковъ — богатыхъ людей.

«Но какъ же устроятся безъ правительства всѣ большія общественныя дѣла, когда всѣ люди будутъ жить отдѣльными обществами? Какъ устроятся пути сообщенія, желѣзныя дороги, телеграфы, пароходы, почта, высшія учебныя заведенія, бібліотеки, торговля, когда не будетъ правительства?»

Люди такъ привыкли къ тому, что правительства заведуютъ всѣми общественными дѣлами, что имъ кажется, что и самыя дѣла эти устраиваются правительствами и что безъ правительствъ нельзя устроить ни высшія школы, ни пути сообщенія, ни почты, ни бібліотеки, ни торговля сношенія. Но это неправда. Самыя большія общественныя дѣла не только въ одномъ народѣ, но среди разныхъ народовъ, устраиваются безъ помощи правительствъ частными людьми. Такъ устроены всякаго рода международные, ученые, торговые, промышленные союзы. Правительства не только не помогаютъ такимъ, но добровольному согласію устраиваемымъ, союзамъ, но, вступая въ такія дѣла, всегда мѣшаютъ имъ.

«Но если вы не будете повиноваться правительству, не будете давать податей и солдатъ, придутъ чужіе народы и завоюютъ васъ», — говорятъ еще тѣ люди, которымъ нужно властвовать надъ вами. Не вѣрьте этому. Только живите, признавая землю общою, не давая солдатъ и не платя податей, кромѣ тѣхъ, которыя добровольно будете давать на общественныя дѣла, и миролюбиво, міромъ рѣшая свои несогласія, — и чужіе народы, глядя на такую вашу хорошую жизнь, не пойдутъ завоевывать васъ, а если и пойдутъ, то, узнавъ такую вашу добрую жизнь, переймутъ ее и, вмѣсто того, чтобы воевать съ вами, присоединятся къ вамъ. Вѣдь всѣ народы, точно такъ же, какъ и вы, страдали и теперь страдают отъ правительствъ, отъ борьбы разныхъ правительствъ между собою — борьбы и военной, и торговой, и промышленной и отъ борьбы сословій и разныхъ партій. Во всѣхъ христіанскихъ народахъ идетъ внутренняя работа, главная цѣль которой — освобожденіе отъ правительствъ. Но освобожденіе это для народовъ, большинство которыхъ оставило земледѣльческую жизнь и живетъ промышленной городской жизнью, пользуясь трудами другихъ народовъ, представляется особенно труднымъ. Такое освобожденіе вырабатывается среди нихъ посредствомъ социализма. Вамъ же, русскимъ рабочимъ, живущимъ преимущественно земледѣльческой жизнью и самымъ удовлетворяющимъ своимъ нуждамъ, освобожденіе это особенно легко. Правительство для васъ уже давно составляетъ не необходимость, даже не удобство, а великую, ничѣмъ не выкупаемую тяжесть и бѣдствіе.

Правительство, только правительство своей властью от-

нимаетъ у васъ землю, только правительство отбираетъ отъ васъ податями и пошлинами большую часть того, что вы своимъ трудомъ приобретаете, только оно лишаетъ васъ трудовъ вашихъ сыновей, забирая ихъ въ солдаты и посылая ихъ на убійства.

Правительство вѣдь не есть такое же отъ Бога установленное необходимое условіе человѣческой жизни, какъ воздѣлываніе земли, бракъ, семья, общеніе людей, которыя всегда будутъ, пока будутъ люди. Правительство есть человѣческое учрежденіе, которое устанавливается, когда оно нужно, и уничтожается, когда перестаетъ быть нужнымъ, какъ и всякія человѣческія учрежденія.

Въ старину бывали учреждаемы человѣческія жертвы, идолослуженія, гаданія, пытки, рабство и многое другое. И все это уничтожилось, когда народъ настолько просвѣщался, что учрежденія эти становились лишней тяжестью и бѣдствіемъ. То же и съ правительствами. Правительства учреждались тогда, когда народъ былъ дикій, жестокій и грубый. Такія же жестокая и грубая устанавливались и правительства. Всѣ почти правительства законы свои взяли отъ язычниковъ римлянъ. И правительства до сихъ поръ остаются такими же грубыми учрежденіями съ насильническими поборами, солдатами, тюрьмами, казнями, какія были еще до христіанства. Но народъ, просвѣщаясь, все менѣе и менѣе нуждается въ такихъ правительствахъ, а въ наше время большинство христіанскихъ народовъ дожило до того, что правительства стали для нихъ только помѣхой.

Скорлупа нужна яйцу, пока не выведется птенецъ. Но когда птенецъ готовъ, скорлупа только помѣха. То же и съ правительствами: большинство христіанскихъ народовъ сознаютъ это. Въ особенности живо чувствуетъ это теперь русскій земледѣльскій народъ.

«Правительство нужно, нельзя жить безъ правительства», говорятъ люди, въ особенности убѣжденные въ этомъ теперь, когда въ народѣ происходятъ смуты. Кто же эти люди, такъ озабоченные цѣлостью правительства? Это тѣ самые люди, которые живутъ трудами народа и, сознавая свой грѣхъ, боятся его обличенія и надѣются на то, что связанное съ ними единствомъ интересовъ правительство силой защититъ ихъ неправду. Этими людямъ правительство очень нужно, но не вамъ, народу. Правительство всегда было для васъ только тяжестью; теперь же, при своемъ дурномъ управленіи вызвавъ бунтъ и раздѣленіе на два правительства, оно стало явнымъ бѣдствіемъ и великимъ грѣхомъ отъ котораго вамъ для вашего тѣлеснаго и духовнаго блага необходимо отказаться.

Сразу ли придется вамъ, русскому рабочему народу, освободиться теперь отъ повиновенія всякому правительству, или придется вамъ, русскимъ рабочимъ людямъ, еще пострадать и потерпѣть отъ людей прежняго или новаго правительства, можетъ быть и отъ правительствъ чужихъ народовъ, вамъ, рабочимъ людямъ русскаго народа, въ настоящее время дѣлать больше нечего, какъ перестать повиноваться правительству и начать жить безъ него.

Если вамъ, какъ сельскимъ, такъ и городскимъ рабочимъ, и придется въ первое время пострадать за свое неповиновеніе, какъ отъ стараго, такъ и отъ новаго правительства, а также и отъ внутреннихъ несогласій, которыя могутъ возникнуть между вами, то все-таки всѣ тѣ бѣдствія, которыя могутъ произойти отъ этихъ причинъ, ничто въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями и страданіями, которыя вы теперь несете отъ правительствъ и которыя вамъ придется еще перенести, если вы, повинаясь тому или другому правительству, будете вовлечены въ тѣ убійства, казни, междоусобія, которыя совершаются теперь и еще долго будутъ совершаться борющимися правительствами, если только вы не прекратите ихъ своимъ неучастіемъ въ нихъ.

Только поддайтесь тому, чего отъ васъ требуетъ и къ чему призываетъ и то и другое правительство, только вступите, поддерживая старое правительство, въ борьбу съ революціонерами, участвуя въ войскахъ, въ полиціи, въ скопищахъ черной сотни, или, поддерживая революціонеровъ, принимая участіе въ стачкахъ, разгромахъ, вооруженныхъ возстаніяхъ или въ какихъ бы то ни было союзахъ, выборахъ и думахъ, — и вы, кромѣ того, что возьмете и много грѣха на душу и много пострадаете, не успеете оглянуться, какъ то или другое правительство, то самое, которое восторжествуетъ, хотя бы вы и помогли его торжеству, затянетъ на васъ опять ту мертвую петлю рабства, въ которой вы жили и живете еще.

Только не поддавайтесь и не повинуйтесь ни тѣмъ ни

другимъ, и вы избавитесь отъ вашихъ бѣдъ и будете свободны.

Изъ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствъ для васъ, русскаго рабочаго народа, есть только одинъ выходъ: отказъ отъ повиновенія какой бы то ни было насильнической власти, смиренное и кроткое перенесеніе насилій, но не участіе въ нихъ.

Выходъ этотъ простъ и легокъ и несомѣнно ведетъ къ благу. Но для того, чтобы вы могли поступить такъ, вы должны признать власть Бога и законъ Его.

«Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ». И спасеніе ваше въ вашихъ рукахъ.

Только перестаньте, городской рабочей народъ, такъ же, какъ и сельскій, повиноваться правительству, и вамъ, городскимъ рабочимъ, не будетъ уже необходимо принимать отъ хозяевъ фабрикъ тѣ условія, которыя они будутъ ставить вамъ, а вы сами будете ставить имъ свои условія, или будете сами заводить свои артельные заведенія нужныхъ для народа предметовъ, или будете переходить, при свободной землѣ, къ естественной земледѣльческой жизни.

«Но если мы, русскіе люди, сейчасъ же станемъ жить такъ, не повинаясь правительству, то не будетъ Россія», скажутъ люди, которымъ кажется, что въ томъ, что есть Россія, т. е. соединеніе многихъ разныхъ народовъ подъ одной властью, есть что-то важное, великое и полезное.

Но вѣдь это соединеніе многихъ разныхъ народовъ, называемое Россіей, не только не нужно вамъ, русскимъ рабочимъ людямъ, но именно въ этомъ соединеніи одна изъ главныхъ причинъ вашихъ бѣдъ.

Если облагаютъ податями и пошлинами васъ и облагали вашихъ предковъ, накопили огромные долги, которые вы должны выплачивать, если съ васъ берутъ солдатъ и разсылаютъ ихъ на разные концы свѣта воевать съ людьми, которымъ до васъ и вамъ до которыхъ нѣтъ никакого дѣла, то все это только изъ-за того, чтобы удержать эту Россію, т. е. насильственное соединеніе Польши, Кавказа, Финляндіи, Средней Азіи, Манджуріи и другихъ земель и народовъ подъ одной властью. Но мало того, что отъ этого соединенія, называемаго Россіей, всѣ ваши бѣдствія, — въ этомъ соединеніи и великій грѣхъ, въ которомъ вы невольно участвуете, когда повинуетесь правительству. Для того, чтобы была Россія, та, какая есть, надо держать въ покорности поляковъ, финляндцевъ, латышей, грузинъ, татаръ, армянъ и другихъ. А для того, чтобы держать ихъ въ покорности, надо запрещать имъ жить, какъ они хотятъ, и, если они не слушаются запрещеній, казнить, убивать ихъ. Зачѣмъ же вамъ участвовать въ этихъ дурныхъ дѣлахъ, когда отъ нихъ же ваши бѣдствія? Тѣ, кому нужно, чтобы была эта Россія и владѣла Польшей, Грузіей, Финляндіей и другими землями, пускай устраиваютъ это, какъ умѣютъ и могутъ. Вамъ же, рабочимъ людямъ, это совсѣмъ не нужно, а нужно совсѣмъ другое. Вамъ нужно только, чтобы у васъ было достаточно земли, чтобы никто насильно не отбиралъ у васъ вашего имущества и не забирали бы вашихъ сыновей въ солдаты и, главное, не принуждали бы васъ дѣлать дурныя дѣла. И ничего этого не будетъ, если только вы не будете исполнять разоряющія и губящія ваши тѣла и души требованія правительства.

Л. Толстой.

Наше жизнепониманіе.

Раздѣляя въ обществѣ одну и то же пониманіе жизни, не совпадающее ни съ однимъ изъ распространенныхъ религіозныхъ и свѣтскихъ ученій, въ виду частыхъ обращеній къ намъ съ требованіями, которыхъ мы не можемъ исполнить, мы считаемъ желательнымъ, во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній, выразить насколько возможно кратко и ясно наше жизнепониманіе и то наше отношеніе къ существующему устройству жизни, которое изъ него вытекаетъ*).

Въ 1838-мъ году въ Америкѣ было обнаружено Вильямомъ Лойдомъ Гаррисономъ заявленіе, въ которомъ онъ и его единомышленники оглашали свое исповѣданіе.

*). Заявленіе это, написанное въ 1907 г. и появляющееся сейчасъ впервые въ печати, представляетъ попытку выразить въ самыхъ общихъ чертахъ жизнепониманіе многихъ лицъ, единомышленныхъ съ Л. Н. Толстымъ, но намѣренно избѣгающихъ отдѣлиться въ какую либо обособленную «секту» или «группу». Это заявленіе было составлено нѣсколькими изъ нихъ, а затѣмъ обработано Л. Н. Толстымъ, который по этому поводу прибавилъ въ концѣ отъ себя замѣтку. — Ред.

Сущность этого заявленія сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

Признаніе одного только Царя и Законодателя—Бога, а потому отрицаніе всякаго человѣческаго правительства. Отечествомъ Гаррисонъ признаетъ весь міръ, соотечественниками — все человѣчество. Народамъ не слѣдуетъ ни защищать себя отъ внѣшнихъ враговъ, ни нападать на нихъ. Отдѣльнымъ лицамъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ также нехорошо нападать или защищаться силою. Церковное ученіе о божественномъ установленіи всѣхъ государствъ и существующихъ властей столь же нелѣпо, какъ и кощунственно. Власти эти никогда не дѣйствовали въ духѣ ученія и по примѣру Христа и потому онѣ не могли быть установлены Богомъ и должны быть упразднены; но—не силою, а духовнымъ возрожденіемъ людей.

Если войны, какъ наступательныя, такъ и оборонительныя, признаются нехристіанскими и незаконными, то и всѣ приготовленія къ войнамъ, постоянныя арміи, военное начальство, присвоенія, совершенныя военной силой, общія воинская повинность являются нехристіанскими и незаконными.

Незаконнымъ и нехристіанскимъ является и всякій судъ, какъ гражданскій, основанный на насильственномъ принужденіи, такъ и уголовный, основанный на законѣ вѣщаго завѣта: око за око, зубъ за зубъ. Этотъ судъ отмѣняетъ Христомъ, проповѣдывающимъ прощеніе врагамъ вмѣсто мщенія во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія.

Вслѣдствіе этого, Гаррисонъ и его послѣдователи отказываются занимать мѣста въ правительственныхъ учрежденіяхъ и избирать на эти мѣста другихъ лицъ, и вообще служить правительству въ какой бы то ни было формѣ.

Исторія человѣчества наполнена доказательствами того, что зло можетъ быть уничтожено только добромъ, а изъ этого слѣдуетъ истина основного ученія Христа о непротивленіи злу насиліемъ. Поэтому Гаррисонъ, отрицая революціонное ученіе съ его проповѣдью насилія, отрицаетъ насильственную борьбу съ существующимъ правительствомъ, противорѣчащую требованіямъ Евангелія.

Со времени обнаруженія этого заявленія прошло 70 лѣтъ, и мы теперь, въ 1907 году, воплѣ раздѣляя основныя, выраженные въ немъ, можемъ прибавить къ этому заявленію только слѣдующее:

1. Мы полагаемъ, что сущность нашей жизни не въ нашемъ тѣлѣ, подверженномъ страданіямъ и неизбѣжной и всегда близкой смерти, а въ томъ духовномъ началѣ, которое дало и даетъ жизнь человѣку. И потому назначеніе и благо жизни нашей мы видимъ только во все большемъ и большемъ сознаніи и проявленіи этого духовнаго начала.

2. А такъ какъ это духовное начало въ противность тѣлесности, различной для всѣхъ людей, одно и то же для всего живого, то и сознаніе этого начала соединяетъ насъ со всѣмъ живущимъ и въ жизни нашей проявляется любовью.

3. И потому любовь къ ближнему, какъ самому себѣ, и вытекающее изъ этого правило—поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, мы признаемъ духовнымъ закономъ нашей жизни.

4. Зная же по опыту, что всякое стѣсненіе свободы посредствомъ насилія причиняетъ страданія и, кромѣ того, вызываетъ въ людяхъ недобрыя, противныя любви чувства, мы всякаго рода насилія, совершаемыя надъ людьми, какъ отдѣльными лицами, такъ и собраніями людей, называемыхъ себя правительствами, признаемъ противными основному закону нашей жизни.

5. И потому, признавая единственной силой, сдерживающей людей и приводящей ихъ къ мирной жизни, — законъ любви, основы котораго лежатъ въ душѣ cadaго человека, мы:

Во-первыхъ, не признаемъ ни за какими людьми, ни собраніемъ людей, права насиліемъ или подъ угрозой насилія, отбирать имущество однихъ людей и передавать его другимъ (подати).

Во-вторыхъ, не признаемъ ни за собой, ни за другими людьми права насиліемъ защищать исключительное право пользованія какими бы то ни было предметами, а тѣмъ менѣе исключительное право пользованія нѣкоторыми частями земли, составляющей общее достояніе всѣхъ людей.

Въ-третьихъ, не признаемъ ни за собой, ни за какими людьми права насильно привлекать къ суду другихъ людей и лишать ихъ имущества, ссылать, заточать въ тюрьмы, казнить.

Въ-четвертыхъ, не признаемъ ни за какими людьми,

какъ бы они ни называли себя, монархами ли или конституционными или республиканскими правительствами, права собирать, вооружать и приучать людей къ убійству, нападать на другихъ людей и, объявивъ людямъ другой народности войну, разорять и убивать ихъ.

Въ-пятыхъ, не признаемъ ни за собой, ни за какими людьми права подъ видомъ церкви или какихъ-либо воспитательныхъ, образовательныхъ и мнимо просвѣтительныхъ учреждений, поддерживаемыхъ средствами, собранными насиліемъ, руководить совѣстью и просвѣщеніемъ другихъ людей.

Въ-шестыхъ, не признавая ни за какими людьми, называющими себя правительствами, права управлять другими людьми, мы точно такъ же не признаемъ и за неправительственными людьми права употреблять насиліе для испроверженія существующаго и установленія какого-либо иного, новаго правительства.

Не признаемъ этихъ правъ ни за кѣмъ, потому что всякое насиліе, по существу своему, противно признаваемому нами основному закону человѣческой жизни—любви. При побѣдѣ одного насилія надъ другимъ остается побѣдившее насиліе и точно такъ же, какъ и прежде, вызываетъ противъ себя новое насиліе и такъ безъ конца.

Не признавая такихъ правъ ни за какими людьми, мы считаемъ и всѣ дѣятельности, основанныя на этихъ мнимыхъ правахъ, вредными и неразумными, и потому не только не можемъ участвовать въ такихъ дѣятельностяхъ или пользоваться ими, но всегда будемъ всѣми силами бороться противъ нихъ, стараясь уничтожить ихъ въ самомъ ихъ основаніи.

Въ-седьмыхъ, уничтожить же эти ложныя и вредныя дѣятельности въ самомъ ихъ основаніи мы считаемъ возможнымъ только однимъ средствомъ: проявленіемъ нами въ своей жизни того высшаго закона любви, который мы признаемъ единственнымъ и несомнѣнно вѣрнымъ руководствомъ человѣческой жизни.

Въ-восьмыхъ, и потому всѣ наши усилія, вся наша дѣятельность будетъ имѣть только одну цѣль—проявленіе въ нашей жизни, насколько это будетъ въ нашихъ силахъ, того закона любви, который вѣрнѣе всякихъ другихъ средствъ уничтожаетъ зло теперешняго устройства жизни и все болѣе и болѣе приближаетъ установленіе истиннаго братства людей, котораго такъ жадно ждетъ въ наше время изстрадавшееся человѣчество.

Мы вѣримъ, что царство это близко, «при дверяхъ».

Замѣтка Л. Н. Толстого.

Мысли, выраженные въ этомъ заявленіи, такъ же какъ и въ провозглашеніи Гаррисона, не новы. Все это было много и много разъ сказано и мудрецами, и браминами, и буддистами, и китайцами, и въ особенности однимъ изъ ихъ мудрецовъ, Ми-ти, проповѣдывавшимъ любовь вмѣсто насилія, и Сократомъ, и стоиками, и болѣе всего ясно и опредѣленно Христомъ, (не въ павловскомъ, квази-христіанскомъ, церковномъ ученіи, извращающемъ истинное христіанство, а въ истинно-христіанскомъ ученіи въ нагорной проповѣди). Высказывались подобныя истины и проповѣдывались и эбонитами, и эссенянами, и катарами, и альбигойцами, и моравскими братьями, и квакерами, и назаренами, и персидскими бабистами, и духоворами, и сотнями, и тысячами людей, исповѣдывавшихъ и исповѣдующихъ тѣ же истины.

Но до сихъ поръ всѣ эти ясныя, простыя и неопровержимыя истины,—истины, навѣрно дающія людямъ вмѣсто страданій истинное благо,—не измѣняли устройства человѣческихъ обществъ, и жизнь большинства людей продолжала идти попрежнему.

Ученіе всѣхъ этихъ мудрыхъ людей вело къ той истинѣ, что для того, чтобы не было того зла, отъ котораго люди такъ жестоко страдаютъ, надо перестать дѣлать его. Что, казалось бы, могло быть проще, понятнѣе и убѣдительнѣе этого? Казалось бы, что для того, чтобы понять и исполнять это, нужно такъ же мало усилія, какъ для того, чтобы дышать. Усиліе, казалось бы, нужно только для того, чтобы не дѣлать этого. А между тѣмъ эту простую истину говорили сотни, тысячи лѣтъ люди, признаваемые величайшими мудрецами міра, и человѣчество все-таки не понимало и не принимало этой истины, и продолжаетъ жить такъ, какъ будто она совершенно неизвѣстна ему.

Отчего это?

А отъ того же самаго, отчего умный, хорошій, добрый юноша слышитъ слова мудрости людской, призывающей его къ труду, къ воздержанію, къ чистотѣ, къ добротѣ, слышитъ слова эти, но ни на мигъ не останавливается на нихъ свое вниманіе, не примѣняетъ ихъ къ своей жизни. Молодой человѣкъ прежде всего живетъ своими животными и полуживотными страстями, охватывающими его со всею силой новизны и еще поддерживаемыми и разжигаемыми внушеніемъ толпы людей, окружающихъ его и призывающихъ его къ подражанію. Мало того, если онъ задумывается хоть на минуту о правильности пути, по которому онъ идетъ, ему тотчасъ же предлагаютъ не тѣ старыя, вѣчныя истины, которыя осуждаютъ его жизнь, а такія теоріи, по которымъ ему можно, продолжая жить такъ, какъ онъ живетъ, праздно, невоздержанно, нецѣломудренно, враждебно къ людямъ, честолюбиво,—быть увѣреннымъ, что онъ живетъ именно такъ, какъ свойственно жить разумнымъ людямъ. И, усвоивъ какую-либо изъ этихъ теорій: церковную, политическую, экономическую, научную, и держась за нее, какъ за якорь спасенія, молодой человѣкъ живетъ, мужаетъ и все больше и больше укрѣпляется въ своемъ образѣ жизни. Образъ жизни поддерживаетъ теорію, теорія поддерживаетъ образъ жизни. И чѣмъ дальше онъ живетъ такъ, тѣмъ все болѣе и болѣе усложняются условія его жизни, и все труднѣе и труднѣе становится ему, если бы онъ и захотѣлъ, вернуться къ тѣмъ простымъ и нужнымъ жизненнымъ истинамъ, которыя онъ слышалъ въ своей юности, не внимая имъ. И живетъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока страданія, неизбежно связанныя съ такой жизнью, не приведутъ его, наконецъ, къ той самой простой и старой истинѣ, которую онъ зналъ сначала, что для того, чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: надо жить хорошо. И человѣкъ, если онъ еще не безвозвратно погубилъ себя, измѣняетъ свою жизнь и обыкновенно дѣлаетъ неполно и въ концѣ жизни то, что было бы легко такъ полно и хорошо сдѣлать сначала.

Таковъ путь приближенія къ истинѣ отдѣльныхъ людей. Путь этотъ кажется страннымъ. Казалось, какъ просто бы было людямъ не дѣлать всѣхъ тѣхъ безцѣльныхъ для своей жизни ошибокъ и сразу повѣрить истинѣ. Но это только кажется такъ. Ошибки эти необходимы, такъ какъ всякая, однимъ головнымъ путемъ приобрѣтенная истина только для рѣдкихъ людей можетъ быть руководствомъ поступковъ. Для большинства истина только тогда истина, когда она подтверждена своимъ личнымъ мучительнымъ опытомъ. Только тогда истина—истина для большинства, когда явно, что отступленіе отъ нея есть страданіе, когда истина и благо совпали.

А такъ какъ таково свойство большинства людей, то таково свойство и всего человѣчества.

Все человѣчество естественно живетъ сначала (съ того начала, которое видно намъ) своими животными, полуживотными влеченіями. И точно такъ же, какъ у отдѣльнаго человѣка, сила этихъ влеченій увеличивается ихъ новизною. И точно такъ, какъ и для отдѣльнаго человѣка, рѣдкіе голоса мудрецовъ, указывающихъ на истинный смыслъ жизни, не воспринимаются большинствомъ, точно такъ же увлеченнымъ новизною и внушеніемъ. И такъ же, какъ и для отдѣльнаго человѣка, появляются подставныя, ложныя теоріи (большей частью извращенныя ученія мудрыхъ людей, какъ всѣ церковныя и научныя ученія). И всѣ эти ложныя ученія, потакая страстямъ людей, все дальше и дальше отвлекаютъ ихъ отъ истины. И точно такъ же, какъ для отдѣльнаго человѣка, трудность измѣненія жизни увеличивается тѣми условіями, которыми связываетъ себя человѣкъ въ ложно-прожитомъ прошедшемъ, такъ и для человѣчества, отступившаго отъ истины, трудность увеличивается тѣмъ, что на ложномъ пути, по которому вѣками шло человѣчество, совершенно имъ.

Въ этомъ и лежитъ причина того страннаго явленія, что люди, зная простую, ясную истину, которая спасаетъ ихъ, живутъ такъ, какъ будто эта истина никогда никому не была извѣстна. Причина этого и въ тѣхъ ложныхъ теоріяхъ, извращающихъ и религію, и науку, и въ тѣхъ дѣлахъ, которыя надѣлало человѣчество во время своей ложной жизни.

Человѣчество, живя ложною жизнью на основаніи ложныхъ теорій, надѣлало такъ много ложнаго и ненужнаго и въ духовной, и въ матеріальной областяхъ, что оно теперь

никакъ не можетъ рѣшиться послѣдовать простымъ и яснымъ и извѣстнымъ ему истинамъ, слѣдованіе которымъ сдѣлало бы ненужнымъ почти все то, что съ такимъ трудомъ, усердіемъ и рвеніемъ надѣлано имъ. Всѣ эти воздушныя дороги, 36-ти этажные дома, броненосцы, парламенты и все то, что называется наукой и искусствомъ, всякія никому ни на что ненужныя открытія и изслѣдованія, съ своими утонченностями, — все это кажется такъ важно, что отказаться отъ всего этого или рисковать лишиться хотя части этого, кажется людямъ нашего времени невозможнымъ и безумнымъ рискомъ.

Люди на пути своемъ подошли къ рѣкѣ. Мудрейшіе изъ нихъ знаютъ, что путь идетъ черезъ рѣку, что домъ — на той сторонѣ, и что надо переходить рѣку. Въ томъ мѣстѣ, въ которомъ люди подошли къ рѣкѣ, рѣка не широка и не глубока, и надо небольшое усиліе, чтобы перейти ее. Но люди не хотятъ сдѣлать этого усилія. И кромѣ того среди нихъ находятся люди, которые увѣряютъ ихъ, что можно и не дѣлать этого усилія и не входить въ рѣку. И люди идутъ внизъ по теченію, отыскивая перехода, и что дальше идуть, то шире и глубже рѣка. Люди смутно чувствуютъ, что, идя внизъ по теченію, они не найдутъ перехода, но имъ такъ жалко всего того, что они прошли, что продолжаютъ увѣрять себя, что рѣка скоро перестанетъ течь или случится чудо, какъ для израильтянъ, и они перейдутъ по-суху. Но рѣка становится все шире и шире и заливаешь берегъ и людей, идущихъ по немъ.

Съ самыхъ древнихъ временъ мудрые люди постигли ту истину, что устройство человѣческой жизни можетъ основываться только на любви и на вытекающемъ изъ любви добровольномъ служеніи людей другъ другу, и что поэтому существующій способъ устройства человѣческихъ обществъ на насилиі — способъ ложный, и что попытки уничтожить насилие насиліемъ есть очевиднѣйшее заблужденіе, и что уничтожить насилие можно только тѣмъ, чтобы не дѣлать насилия. Казалось бы, истину эту нельзя не понимать, но люди не вѣрятъ тому, что ясно и что говорятъ имъ ихъ мудрецы и здравый смыслъ, а вѣрятъ тѣмъ людямъ, которымъ выгодно насилие. Вѣрятъ, потому что для воздержанія отъ насилия нужно хоть и небольшое, но нужно усиліе, для подчиненія же насилію и участія въ немъ не нужно никакого.

Такъ шло дѣло съ самыхъ древнихъ временъ, такъ шло дѣло и въ средніе вѣка, такъ же шло дѣло и въ новыя времена, такъ же идетъ и теперь.

Люди продолжаютъ мучить себя и метаться по этой сторонѣ рѣки, все еще надѣясь, что рѣка перестанетъ течь, и воды разступятся. Но всему есть предѣлъ, и люди въ наше время подошли къ этому предѣлу. Бѣдственность, безуміе, глупость и злобность той жизни, которая ведется теперь людьми, пытающимися уничтожить зло зломъ, становится все очевиднѣе и очевиднѣе, и людей, понимающихъ невозможность продолженія такой жизни, становится все больше и больше.

И мы думаемъ, что человѣчество теперь, именно теперь въ 1907 году отъ Рождества Христова, своей дошедшей до послѣдней степени путаницей и утонченностью ненужныхъ знаній, своимъ раздѣленіемъ и озлобленіемъ, своими страданіями — доведено, наконецъ, до необходимости понять и принять ту старую, давно провозглашенную людямъ и извѣстную всѣмъ простую и ясную истину, что человѣкъ — существо, обладающее духовнымъ сознаниемъ — можетъ и долженъ основывать свою жизнь не на грубой силѣ, какъ животное, а только на вытекающемъ изъ духовнаго сознанія свойствѣ любви, которое одно можетъ дать всѣмъ людямъ то благо, стремленіе къ которому составляетъ основу ихъ жизни.

Левъ Толстой.

Безъ вѣры жить нельзя.

Безъ вѣры жить нельзя. Вѣра состоитъ въ томъ, чтобы знать, зачѣмъ мы живемъ. Вотъ это постарайтесь узнать. Это важнѣе всего на свѣтѣ ¹⁾.

Люди никогда не жили безъ религіи. Мы, маленькая часть людей, — та, которая беретъ на себя учить большинство — живетъ безъ религіи и думаетъ, что ея и не нужно. Отъ этого всѣ бѣдствія людей.

¹⁾ Изъ писемъ, Декабрь (?) 1896 г.

А, между тѣмъ, казалось бы ясно, что безъ религіи нельзя жить, — нельзя жить потому, что:

Во-первыхъ, только религія даетъ опредѣленіе хорошаго и дурного, и потому человѣкъ только на основаніи религіи можетъ сдѣлать выборъ изъ всего того, что онъ можетъ желать сдѣлать въ тѣ минуты, когда страсти его молчатъ.

Во-вторыхъ, безъ религіи человѣкъ никогда не можетъ знать, хорошо ли или дурно то, что онъ дѣлаетъ.

Въ-третьихъ, только религія уничтожаетъ эгоизмъ. Только вслѣдствіе религіозныхъ требованій, человѣкъ можетъ жить не для себя.

Въ-четвертыхъ, только религія уничтожаетъ страхъ смерти; не то, что человѣкъ можетъ идти на опасность смерти или даже лишиться себя жизни, а можетъ спокойно ждать смерти.

Въ-пятыхъ, только религія даетъ человѣку и смыслъ жизни.

Въ-шестыхъ, только религія устанавливаетъ равенство людей.

Въ-седьмыхъ, только религія освобождаетъ человѣка отъ всѣхъ внѣшнихъ стѣсненій ²⁾.

Если ты сознаешь, что у тебя нѣтъ вѣры, знай, что ты въ самомъ опасномъ положеніи, въ которомъ можетъ находиться человѣкъ въ этомъ мірѣ ³⁾.

Жизнь безъ пониманія ея смысла, т.-е. безъ религіи, есть то, что называется сумасшествіемъ. Когда же сумасшествіе становится общимъ большому количеству людей, оно смѣло проявляется и доходитъ до высшихъ предѣловъ самоувѣренности. Такъ что уже люди здравые считаются сумасшедшими, и такихъ людей запираютъ или казнятъ ⁴⁾.

Я знаю, какъ безнадежно тяжело положеніе молодыхъ людей, какъ вы пишете, потерявшихъ вѣру въ Бога и полагающихъ, что это положеніе невѣрія въ Бога есть положеніе нормальное, и что виновата въ этомъ безсмысленность нашей жизни, а не ихъ душевно-болѣзненное состояніе. Эпидемія эта очень распространена среди молодежи ⁵⁾.

Человѣкъ взрослый, человѣкъ безъ религіознаго міровоззрѣнія, безъ вѣры, есть духовный, нравственный калѣка. Онъ можетъ дѣлать то, что свойственно человѣку, можетъ жить, только благодаря искусственнымъ приспособленіямъ: забавы, искусство, похоть, честолюбіе, корыстолюбіе, любопытство, наука. И такой человѣкъ, какъ и калѣка, всегда во власти всѣхъ, съ нимъ можно сдѣлать все, что хочешь ⁶⁾.

Безъ вѣры человѣкъ всякую минуту готовъ отрѣчься отъ всего того, во имя чего онъ жилъ, и начать жить во имя того, что онъ проклиналъ ⁷⁾.

Лошадь не слушается, а поддается тому мотиву, который побѣждаетъ ее. Ей все равно идти направо или налево, и малѣйшее давленіе слѣва по шеѣ заставлятъ ее идти вправо. Также и человѣкъ безъ вѣры ⁸⁾.

Человѣкъ мыслящій, говорящій, если не живетъ религіозно, а одними животными потребностями, бываетъ ужасенъ тѣмъ, что у него нѣтъ даже того семейнаго, родового инстинкта, который есть у животного, вслѣдствіе чего онъ становится эгоистомъ, врагомъ всѣхъ, кромѣ себя, и врагомъ ужаснымъ потому, что вооруженъ тѣми свойствами мысли и слова, которыя необходимы и безвредны только при человѣческомъ свойствѣ религіи. Все равно, какъ въ рукѣ ребенка кинжалъ, ружье, порохъ. Такие люди — тоже ребята. Надо стараться жалѣть ихъ, любя. И это очень трудно ⁹⁾.

Безъ религіи, т.-е. безъ установленнаго отношенія къ безконечному, духовному, человѣкъ безхвостая обезьяна, умѣющая дѣлать фонографы, баллоны, бомбы и т. п. ¹⁰⁾.

Ничто не можетъ спасти человѣчество отъ того обмана,

²⁾ Дневникъ 29 Декабря 1903 г.

³⁾ «Кругъ Чтенія» 1-ое изд. 1904 г. на 16 мая, а также «Кругъ Чтенія», изд. 2-ое, исправленное и дополненное Л. Н. Чемъ 1907 г. на 11 сент.

⁴⁾ Дневникъ 1910 г. 4 сентября.

⁵⁾ Изъ писемъ В. Ф. Андрееву, 18 сентября 1895 г.

⁶⁾ Дневникъ 2 іюня 1904 г.

⁷⁾ Кругъ чтенія 1-ое изд. 1904 г. на 17-ое апрѣля.

⁸⁾ Дневникъ 30 Апрѣля 1907 г.

⁹⁾ Дневникъ 15 Декабря 1909 г.

¹⁰⁾ Дневникъ 16 Декабря 1907 г.

въ который оно поймано властью. Только религиозное чувство может дать отпоръ и побѣдить ¹¹⁾).

Всѣ наши бѣды, все, всякое зло отъ того, что мы живемъ безъ религіи и живемъ усиленнымъ, напряженнымъ темпомъ, отъ чего зло это еще ужаснѣе ¹²⁾).

Положеніе Россіи ужасно. Но ужаснѣе всего не матеріальное положеніе, не застой промышленности, не земельное неустройство, не пролетаріатъ, не финансовое разстройство, не грабежи, не бунты, не вообще революція. Ужаснѣе всего то душевное, умственное разстройство, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ бѣдствій.

Ужаснѣе всего то, что большинство русскихъ людей живетъ безъ какого бы то ни было нравственнаго или религиознаго, обязательнаго для всѣхъ и общаго всѣмъ закона. Одни, признавая религіей отжившія, не имѣющія уже никакого разумнаго смысла ни, главное, обязательнаго для поведенія значенія, старинныя вѣрованія, — руководятся въ жизни только своими соображеніями и вкусами. Другіе же, признавая ненужность какихъ-либо вѣрованій (религій), точно такъ же руководятся только своими самыми разнообразными соображеніями и желаніями.

Такъ что большинство людей, дѣйствующихъ теперь въ Россіи, подъ предлогомъ самыхъ разнорѣчивыхъ соображеній о томъ, въ чемъ заключается благо общества, въ сущности руководятся только своими эгоистическими, почти животными побужденіями. Самое ужасное при этомъ то, что люди эти, отказавшись отъ разумной человѣческой жизни, спустившись почти на ступень животныхъ, вполне довольны собою и увѣрены, что всѣ тѣ глупости и гадости, которыя они говорятъ и дѣлаютъ, въ подражаніе западнымъ народамъ... несомнѣнно доказываютъ ихъ превосходство надъ мудрыми и святыми людьми прошедшаго, и что не только не надо стараться установить какое-либо общее всѣмъ религиозное жизненіе — вѣру, могущую соединить людей, но что отсутствіе всякой вѣры и доказываетъ ихъ умственное и нравственное превосходство ¹³⁾.

Вы прекрасно выражаете и, очевидно, чувствуете всю пустоту, не скажу — жизни, но той жизни, которую вы ведете. Но простите меня за правдивость, это ваше отчаяніе передъ жизнью указываетъ только на ваше поразительное... невѣжество въ томъ самомъ главномъ и единомъ, что нужно знать каждому человѣку. Неужели вы думаете, что всѣ миллиарды жившихъ до васъ людей на всемъ земномъ шарѣ не задавали себѣ этихъ самыхъ вопросовъ, которые вы себѣ задаете?

Задавали и отвѣчали на нихъ величайшіе умы и сердца всего человѣчества и отвѣты ихъ служили руководствомъ и помощью для тѣхъ людей, которые сами не умѣли дать себѣ эти отвѣты. Отвѣты эти даны въ Индіи браминами, Будой, въ Китаѣ Конфуціемъ, Лао-Тсе, въ древне-европейскомъ мірѣ Сократомъ, Эпиктетомъ, Маркомъ Авреліемъ, потомъ Христомъ, Магометомъ, величайшими мыслителями христіанскаго міра Кантомъ, Шопенгауэромъ и другими...

Такая религія всегда была, есть и будетъ, и безъ нея никогда не жило и не можетъ жить человѣчество. То же, что несчастная, маленькая группа людей, выросшая на задавленномъ трудомъ, пролетаріатѣ — группа, называемая интеллигенціей, живетъ безъ религіи, не только не доказываетъ того, что можно жить безъ религіи, но своимъ жалкимъ и бѣдственнымъ положеніемъ, которое вы такъ живо описываете, но которое не сознается еще другими, — только подтверждаетъ то, что разумная жизнь безъ религіи никогда не была и не можетъ быть ¹⁴⁾.

Другъ мой! Помощь человѣка недействительна, бессильна въ томъ, въ чемъ вы ищите помощи, — въ вѣрѣ; въ вѣрѣ помощь можетъ только Богъ, т.-е. установленіе отношеній прямо, непосредственно съ Богомъ. Только отрѣшившись, отвернувшись отъ всѣхъ людей и обратившись къ одному Богу, можно установить отношеніе къ Нему, т. е. вѣру.

Вѣрите ли вы... въ то, что въ жизни вашей есть смыслъ

и что смыслъ этотъ зависитъ отъ того благого и разумнаго начала, отъ котораго вы произошли? Если вѣрите, то вамъ ничто не можетъ быть страшно, или тяжело. Мѣ. XI, 28—30.

Коротко выражаясь, я хочу сказать:

Во-первыхъ, то, что для того, чтобы жить, надо вѣрить.

Во-вторыхъ, то, что вѣрить значитъ не то, чтобы довѣрять всему тому, что мнѣ выдаютъ за истину о мірѣ и о Богѣ и т. п., а значитъ вѣрить въ то, что сила, производящая и пославшая меня въ этотъ міръ есть сила благая и разумная.

Въ-третьихъ, то, что для того, чтобы вѣрить въ это, надо не то, чтобы въ чемъ-либо увѣрять себя, а напротивъ, надо ничего о себѣ не думать, а только исполнять все то, что требуетъ отъ тебя хозяинъ или твоя совѣсть въ жизни: самая простыя дѣла. Исполнять эти самые простыя дѣла, т.-е. любовно отвѣчать на предъявленныя къ тебѣ требованія и ничего о себѣ не думать, ничего себѣ не ожидать ¹⁵⁾.

Левъ Толстой.

ЕДИНЕНИЕ.

Памяти 89-ой годовщины дня рожденія Л. Н. Толстого.

28 Августа 1828—1917.

Задача Л. Н. Толстого.

ПИСЬМО КРЕСТЬЯНИНА.

7-го ноября 1910 г. годовщина кончины путеводаителя духа всего міра, Льва Николаевича Толстого, просвѣтителя всего міра.

Послѣ Христа прошло 19 вѣковъ, который прорубилъ окно въ потьмахъ, и всѣмъ стало видно, и сказалъ: «Вставайте и ходите въ свѣтъ, пока еще есть свѣтъ». Нѣкоторые въ просонкахъ испугались и закричали: «Смотрите, вѣдь онъ прорубилъ, изгадилъ наше зданіе, всѣ можемъ погибнуть». И за это его распяли на крестѣ. А не подумали о томъ, что онъ звалъ всѣхъ на волю. А на прорубленное мѣсто сдѣлали ставни и закрыли, да не совсемъ плотно или разохлись. Свѣту, хотя немного, было видно, но при солнышкѣ очень ярко, даже смотрѣть нельзя, а мы всѣ спали, нѣкоторые и просыпались — начнутъ будить, а на нихъ закричатъ: «Молчи!». Они хотя и не ложились, а чуть было ихъ слышно, даже и не разберешь, не то будили, или говорили: «Спите».

Услыхалъ этотъ шопотъ Толстой, Левъ Николаевичъ. Началъ спрашивать. Ему стали отвѣчать тихонько, чуть слышно. Вѣдь Христосъ говоритъ: «Свѣтло». Онъ началъ присматриваться, видитъ въ трещину солнышко, уже не рано, и сталъ искать дверь. Къ его изумленію оказалось, что двери совсемъ заперты, откъль — не знаетъ. Онъ началъ спрашивать: «Кто заперъ дверь?» Молчатъ. Тутъ онъ началъ стучать кругомъ и кричать: «Откройте, пожалуйста. Чтѣ вы дѣлаете? Вѣдь давно уже разсвѣтало, а вы все еще спите. Встаньте, посмотрите: солнышко вѣдь высоко». На него закричали: «Молчи». — «Нѣтъ, никакъ не могу молчать, развѣ можно спать до этихъ поръ».

И началъ кричать во всеуслышаніе: «Вставайте», такъ громко, что нѣкоторые совсемъ испугались. «А что ежели онъ разбудитъ, которые спятъ въ нижнемъ этажѣ, да ежели выйдутъ на волю, вѣдь мы можемъ замерзнуть, у насъ ни печки, ни голышки, это тепло вѣдь намъ снизу идетъ. Чего ему не хватило и чтѣ съ нимъ дѣлать: убить — уже очень силенъ и великъ, не завалишь его, онъ заоретъ пожалуй: сразу затрясется все наше зданіе, а мы можемъ провалиться внизъ, а тѣ испугаются и вприсонкахъ могутъ насъ избить. Давайте лучше его выгонимъ отсель».

А когда выгнали, онъ еще громче сталъ кричать и снизу открылъ ставни и сказалъ: «Вставайте, чтѣ вы спите, солнце уже на закатѣ». А снизу ему отвѣтили: «Чего кричишь, мы давно уже не спимъ». — «Да зачѣмъ же заперлись, выходите, вѣдь на волѣ лучше». — «Да такъ ужъ намъ Христосъ ве-

¹¹⁾ Дневникъ 12 Іюня 1898 г.

¹²⁾ Изъ писемъ (къ В. Г. и А. К. Чертковымъ) 6 Октября 1903 г.

¹³⁾ Дневникъ 1906 г. 11 Декабря.

¹⁴⁾ Изъ письма къ социалисту 2 октября 1910 г.

¹⁵⁾ Изъ писемъ, 22 февраля 1909 г.

«Никогда и нигдѣ ни у одного народа борьба противъ смертной казни не принимала такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ Россіи XX вѣка: союзы, митинги, научныя общества, случайныя собранія, всѣ органы періодической печати, литературныя силы — всѣ слились вмѣстѣ подъ лозунгомъ: «долгой смертной казни!» Государственная Дума перваго созыва единогласно принимаетъ проектъ отмены смертной казни. Изъ Ясной Поляны раздается, какъ громъ небесный, «не могу молчать», а въ отвѣтъ на вопль народа — новые залпы карательныхъ отрядовъ правительства, новые военно-полевые суды, новыя висѣлицы, вакханалія смертной казни. Какъ безпредѣльна высота нашего нравственного подъема, если мы все же сумѣли подавить въ себѣ чувство рвущагося негодованія и дать человѣчеству смѣлый примѣръ борьбы съ преступностью безъ смертной казни въ дни войны и политическаго переворота!».

Увы, — «высота нравственного подъема» нынѣшняго правительства оказалась далеко не столь «безпредѣльной», какъ думалъ авторъ этой прекрасной статьи. Прошло всего три мѣсяца, и вотъ уже снова, къ стыду и негодованію Россіи, возстановленъ этотъ отвратительный видъ братоубійства.

Иначе и быть не могло. Представители власти, въ минуту увлеченія, вообразили себѣ, что они живые люди, могущіе давать свободный ходъ своимъ добрымъ побужденіямъ. Но обстоятельства очень скоро напомнили имъ, что они только безвольныя принадлежности бездушнаго государственнаго механизма. Понятно, что разъ новое правительство, не спросившись у русскаго народа, задалось чудовищно-жестокой цѣлью заставить его, противъ его желанія, продолжать войну, то для достиженія этого оно не могло остановиться ни предъ какими отдѣльными мѣрами, хотя бы и смертной казнью, изъ-за того только, что онѣ слишкомъ жестоки.

На первыхъ порахъ представители нашего революціоннаго правительства наивно подумали, что для защиты новаго государственнаго строя имъ не придется прибѣгать къ тѣмъ дикимъ мѣрамъ пресѣченія и наказанія, мести и устрашенія, посредствомъ которыхъ сверженная царская власть охраняла свое существованіе. Но въ этомъ оказалась только неопытность нашихъ новыхъ правителей, вообразившихъ, что возможно насиловать волю народа, не прибѣгая къ обычнымъ, давно выработаннымъ всѣми тиранами, приемамъ принужденія.

Важнѣйшее, въ настоящую минуту, для русскаго народа проявленіе свободы — право участія въ нынѣ свирѣпствующей войнѣ — съ самаго начала не было допущено нашимъ «демократическимъ» правительствомъ, вовсе не желавшимъ и не желающимъ предоставить народу поступать въ этомъ отношеніи такъ, какъ онъ самъ желаетъ. Затѣмъ, объявленная сгоряча свобода печати была уничтожена предоставленіемъ министру внутреннихъ дѣлъ права запрещать негодныя правительству изданія. Позже была уничтожена свобода слова присвоеннымъ правительствомъ правомъ запрещать негодныя ему собранія. Теперь правительство, путемъ смертной казни, признало за собою право запрещать существованіе негодныхъ ему людей. Нельзя предвидѣть конца всѣмъ тѣмъ приемамъ старой царской тиранніи, которые нынѣшнее республиканское самодержавіе не преминетъ возстановить, если только русскій народъ будетъ продолжать проявлять поплзновенія жить и дѣйствовать не такъ, какъ велитъ начальство, а какъ ему самому заблагоразсудится.

Изъ всего этого можно сдѣлать только одинъ выводъ. Когда небольшая кучка людей, называемая правительствомъ, дерзаетъ принуждать многомилліонный народъ совершать такое противное человѣческой душѣ дѣло, какъ участіе въ международной бойнѣ, — то нѣтъ и не можетъ быть никакихъ предѣловъ тѣмъ звѣрскимъ жестокостямъ и гнуснымъ мѣрамъ устрашенія, къ которымъ имъ приходится прибѣгать для достиженія этого.

В. Чертковъ.

Къ интеллигентамъ міра *).

Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ старая Европа переживаетъ всѣ ужасы небывалой до сихъ поръ войны. Трупы самыхъ сильныхъ молодыхъ людей всѣхъ странъ собираются огромными горами; мѣста, посвященные произведеніямъ труда и цивилизаціи — представляютъ изъ себя кучи развалинъ.

Милліоны здоровыхъ людей, нѣсколько недѣль тому назадъ предававшихся дѣятельному и мирному труду, стараюсь, счастливые и удовлетворенные, радостно исполнить свою задачу, — обречены на смерть, на болѣзни, на увѣчье, или же изнываютъ въ бѣдствіяхъ и отчаяніи.

Надежды, воодушевлявшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ началѣ двадцатаго вѣка, все человѣчество — испарились и преданы забвенію.

Движимые ненавистью и злобой, люди только и думаютъ, какъ бы разрушить все то, что еще только вчера казалось имъ священными памятниками новой безпримѣрной эры прогресса.

И тѣмъ не менѣе отдаленный свѣтъ, неопредѣленная надежда, смутная мысль нѣтъ-нѣтъ да и забрезжитъ въ кровавой и трагической ночи: придетъ же день, когда все это горе кончится, когда разумъ вновь станетъ могучимъ, когда пробудится человѣческая совѣсть.

Мы еще не знаемъ, когда придетъ этотъ день, но мы знаемъ, что онъ долженъ придти.

Вѣра въ этотъ день избавленія имѣетъ, можетъ быть, болѣе нравственнаго и гуманитарнаго значенія, чѣмъ помощь, оказываемая тѣмъ, кто страдаетъ отъ войны. И подготовляясь къ пришествію этого дня есть священный долгъ каждого въ нынѣшніе дни кровавой лихорадки.

Вамъ, люди науки и знанія, вамъ, интеллектуальнымъ вождамъ человѣчества, миссія которыхъ заключается въ томъ, чтобы высоко держать развѣвающееся знамя цивилизаціи и развѣвать его такъ же, какъ дѣлали ваши предшественники, только съ еще большей энергіей, чѣмъ они, — во времена, когда царятъ бѣдствія и темнота, передъ вами стоитъ эта задача, этотъ священный долгъ, эта обязанность безконечной важности. Этотъ долгъ стоитъ передъ вами съ такой настоятельной необходимостью, какъ онъ рѣдко вставалъ передъ людьми за длинный рядъ вѣковъ.

Въ наше время народы, полные горечи и ненависти, встаютъ другъ противъ друга; у нихъ осталось одно желаніе: безжалостно растерзать другъ друга.

Потерявши способность чувствовать ту связь, которая соединяетъ насъ, несмотря ни на что, — они изо всѣхъ силъ стараются отъ нея отречься.

Но вы, левиты науки и искусства, воспитатели народовъ, изобрѣтатели и искатели, — вы знаете, что эта связь существуетъ и что какъ только разѣдется кровавая иллюзія войны, непреложный законъ снова будетъ толкать тѣхъ, которые другъ друга уничтожали — къ тому, чтобы искать и обрѣсти другъ друга.

Это знаніе, которымъ вы обладаете, на васъ налагаетъ тѣмъ болѣшую ответственность. Если оно въ вашихъ рукахъ, то страшитесь того, чтобы человѣчество, трепещущее еще отъ полученныхъ ранъ, не потребовало бы отъ васъ отчета за ваше равнодушіе. Проникнитесь вашей ответственностью.

Будьте готовы исполнить свое высшее назначеніе.

Не въ вашихъ рукахъ вмѣшательство для прекращенія войны и требованія мира. Это не въ вашей власти. Человѣчество имѣетъ возможность избѣгнуть войны, — но разъ война разразилась, оно уже безсильно ее остановить или ограничить.

Въ вашей власти оставаться чистыми отъ всякой ненависти. Ваше назначеніе въ настоящее время не въ томъ, чтобы судить и упрекать, обличать и обвинять.

Если даже ваше сердце разрывается — храните молчаніе. Но если вы хотите говорить, пусть ваша мысль развиваетъ ту человѣческую общность, въ которой протекла ваша жизнь, въ лонѣ которой вы работали, которая дала полное развитіе вашей наукѣ и вашему искусству. Потому что день долженъ придти, когда эта общность возродится.

И тогда всѣ, предавшие ее презрѣнію, почувствуютъ краску стыда на лицѣ.

Постарайтесь избѣгнуть такихъ позднихъ сожалѣній для самихъ себя и для своего народа.

Оставайтесь вѣрными идеалу, для того, чтобы, не ослабѣвая, сотрудничать въ дѣлѣ единенія, въ которомъ вы должны быть работниками въ концѣ войны. Будьте подобны тѣмъ сваямъ, уцѣлѣвшимъ отъ разрушеннаго моста, которые дадутъ возможность вновь воздвигнуть по нимъ тѣ пути, которыя повсюду пытались уничтожить.

Вы сдѣлали ошибку, сочтя своимъ долгомъ участіе въ войнѣ, предназначенной войскамъ. Высокое чувство, побудившее васъ совершить эту ошибку, будетъ понято. Но все же признайте и отстраните опасность, которая кроется въ корнѣ этого заблужденія, и бросьте ее.

Для васъ — человѣчество должно остаться выше націи; и, становясь на службу человѣчеству, вы этимъ самымъ служите своему народу.

*) Итальянскій журналъ «Современникъ», 1 Января, 1915, volume 1, Anno IX, Gennaio, 1915. Lugano.

Вы предназначаетесь для того, чтобы среди хаоса подготовить общественный моральный порядок для грядущих дней мира.

Въ тотъ день наступитъ вашъ часъ! И тогда вы своими дѣйствіями и словами будете въ состояніи способствовать излѣченію ранъ, истекающихъ нынѣ кровью.

За международное бюро мира:

Генеральный секретарь Г. Голей.

Президентъ Г. Ла-Фонтэнъ.

Анархія.

Наше общество живетъ послѣднее время подъ угрозой анархія. Почти въ каждомъ номерѣ любой газеты упоминается про анархія. Чуть ли не отъ каждого встрѣчнаго слышатся жалобы и опасенія: «помилуйте—вѣдь это анархія». Рабочіе установили 8-ми часовой рабочий день—анархія. Солдаты расходятся по домамъ, предпочитая полевые работы безполезному (по меньшей мѣрѣ) пребыванію въ строю—анархія. Уличные скандалы, которые въ общемъ никогда и не прекращались,—тоже анархія. Участившіеся грабежи—анархія.

Употребленіе слова «анархія» въ такомъ смыслѣ, въ какомъ употребляется оно теперь въ газетахъ и въ обществѣ, похоже на отношеніе тетушки тургеневскаго героя къ понятію «мораль»,—это понятіе она считала неприличнымъ, позорнымъ. Да и теперь, иногда можно услышать слова: «ты зачѣмъ же на меня мораль пуцаешь?». Не такъ давно у насъ такъ же неправильно многіе относились къ слову забастовка. Подъ забастовкой подразумѣвались драка, ругань, скопленіе мятежнаго народа на улицѣ. Теперь, кажется, слова эти уже поставлены на свои мѣста, а вотъ со словомъ «анархія» связано и до сего времени представленіе объ убійствахъ, грабежахъ и безпорядкѣ.

Если и вправду анархія—не что иное, какъ безпорядокъ и насиліе, то мы напрасно теперь больше опасаемся ея появленія, чѣмъ прежде,—она всегда была у насъ и никогда не прекращалась. Но дѣло въ томъ, что такое опредѣленіе слова «анархія»—неправильно.

Истинное опредѣленіе понятія «анархія»—это отсутствіе власти, отсутствіе насилія однихъ людей надъ другими. Властвованіе всегда основывается на насиліи. Если бы у насъ былъ порядокъ, являющійся результатомъ нравственности каждаго человѣка въ отдѣльности, или хотя бы только взаимнаго добровольнаго соглашенія относительно опредѣленныхъ пріемовъ общежитія,—то и не было бы властей. Слѣдовательно существованіе властей свидѣтельствуетъ объ отсутствіи порядка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ наша вѣра въ благотворность насилія, признаніе нами необходимости власти однихъ надъ другими и порождаетъ безпорядокъ. Люди подѣлились по разнымъ государствамъ и народностямъ. Родившіеся по одинъ бокъ какойнибудь канавы или рѣчки считаются чужими для родившихся по другой бокъ рѣчки. Отсюда является необходимость въ насиліи, а слѣдовательно и во власти для защиты себя и «своихъ» отъ «чужихъ».

Для того же, чтобы не дѣлиться на государства, надо почувствовать, сознать свое единство со всѣми людьми. Единство со всѣми познаешь только въ любви. Будемъ любить всѣхъ—не только любящихъ насъ, но и ненавидящихъ и гонящихъ насъ—почувствуемъ тогда и радость единенія съ міромъ.

Истинный анархистъ не будетъ стремиться къ властвованію надъ другими людьми, не будетъ подчиняться и слѣдовать всему тому, что ведетъ къ разбѣденію людей, не прибѣгнетъ никогда къ насилію надъ другими во имя чего бы то ни было, а будетъ лишь стараться все больше и больше разгораться любовью ко всѣмъ и къ каждому.

Таковыми были истинные анархисты Діогенъ, Христосъ, Толстой, Будда и многіе другіе свѣточіи и мудрецы міра.

Анархія не исключаетъ какуюнибудь организацію или какуюлибо форму общественной жизни, но эти будущія формы общественной жизни уже не будутъ основываться на насиліи и не должны быть цѣлью нашей жизни, а явятся они лишь какъ результатъ нравственной жизни каждаго изъ насъ. «Ищите царства Божьяго и правды его и все остальное приложится вамъ»—вотъ программа анархиста.

Виталій Медвѣдковъ.

15 Іюня 1915 г.

Сказка про дурня.

Жилъ быть дурень. Однажды слышитъ онъ—шумягъ на улицѣ; посмотрѣлъ—куча народу... повѣтъ. Обрадовался дурень—«хоть что Перемышль опять наши взяли». Приколотъ на-спѣхъ къ фуражкѣ трехцвѣтный національный бантикъ, выбѣжалъ на улицу и давай «Боже, царя храни» пѣть. Какъ набросились всѣ на него; фуражку съ бантикомъ сорвали, подзатыльники надавали, въ думу повели. Тамъ узнали, что онъ дурень; растолковали ему, что царя не стало уже у насъ, что теперь Гучковъ да Милюковъ въ люди насъ выведутъ, къ побѣдѣ приведутъ. Съ тѣмъ и отпустили дурня.

«Дураку наука; въ другой разъ умнѣе буду», подумалъ дурень.

Не долго пришлось ждать ему другого раза. Опять видѣть дурень, народъ по улицѣ идетъ, да все что-то про Гучкова да Милюкова гуторять. Залѣзъ дурень на фонарный столбъ, да и давай расписывать Гучкова съ Милюковымъ: «они, де, наши отцы родные; положимся, братцы, на нихъ, «они намъ и Константинополь и проливы добудутъ». Стащили тутъ дурня за ноги со столба, принялись тузить его по чѣмъ попало. Прибѣжалъ бѣдняга домой, а изъ головы не выходятъ слышанные имъ выкрики: «милитаризмъ», «империалистическіе замыслы», «захватническія стремленія»...

«И впрямь вѣдь дуракъ я,—мнѣ бы записаться прямо къ большевикамъ—ихъ всякіе депутатскіе совѣты одобряютъ, значитъ дѣло вѣрное, надежное».

Не успѣли у дурня синяки зажить, побѣжалъ онъ къ большевикамъ въ партію записываться—вину загладить. Дорогой слышитъ—послышитъ онъ, что солдатъ нашихъ наступать на нѣмца подбиваютъ, а ослушникамъ смертной казнью грозятъ. Вышелъ дурень на перекрестокъ, да и давай передъ людьми соловьемъ пѣть, чтобы не сочли его врагомъ революціи: «война—злѣйшій врагъ революціи... защитимъ завоеваніе революціи—отмѣну казни... долой буржуазію... да здравствуетъ интерна...». Не успѣлъ и слова кончить дурень, какъ набросились на него добрые люди—и старые и малые, и штатскіе и военные, и депутаты и дезертиры. Били его, били, да еще и приговаривали: «не собирай митинги! Не муті солдаты! Не перечь начальству!» Тутъ дурень и душу Богу отдалъ.

Даже потомству своему не успѣлъ наказать, чтобы оно не принаравливалось къ улицѣ, а жило бы хоть дурацкимъ, да зато своимъ умомъ-разумомъ.

В. Медвѣдковъ.

Іюль, 1917 г.

О самоуправленіи.

Многіе, ратуя за установленіе у насъ въ Россіи тѣхъ самыхъ формъ государственнаго управленія, которыя выработаны заграницей,—указываютъ на нѣкоторыя западно-европейскія страны, какъ на примѣры болѣе или менѣе успѣшнаго народнаго самоуправленія. Но на самомъ дѣлѣ ни въ какихъ большихъ заграничныхъ государствахъ, при всѣхъ ихъ хваленыхъ конституціонныхъ или республиканскихъ учрежденіяхъ, не существуетъ истиннаго народнаго самоуправленія, какъ хорошо знаетъ каждый побывавшій тамъ безпристрастный и внимательный наблюдатель. Вездѣ привилегированное меньшинство властвуетъ надъ нуждающимся громаднымъ большинствомъ населенія; и пресловутое «всеобщее избирательное право» служитъ только въ рукахъ капиталистовъ однимъ изъ наиболѣе удобныхъ средствъ для мороченія и эксплуатированія рабочихъ массъ.

Наиболѣе самобытные и свободолюбивые умы въ этихъ странахъ давно уже обнаружили несостоятельность всѣхъ этихъ мишурныхъ формъ мнимо-свободной государственной организаціи и указываютъ на то, что истинная свобода осуществима для народа лишь при его полномъ пренебреженіи всякими государственными требованіями и непосредственнымъ проведеніи въ жизнь своими собственными поступками и поведеніемъ того, что онъ считаетъ разумнымъ и праведнымъ.

Приводимъ нѣсколько мыслей изъ статьи одного изъ этихъ англійскихъ сторонниковъ истиннаго самоуправления. То, что онъ высказываетъ, разумѣется, далеко еще не исчерпываетъ этого обширнаго вопроса, къ которому намъ, вѣроятно, еще не разъ придется возвращаться въ дальнѣйшихъ нашихъ выпускахъ.

Ред.

Изъ статьи „Правительство и естественный законъ“

К. Даніеля.

Существуетъ поговорка о томъ, что тотъ, кто умѣетъ управлять собою, выше того, кто управляетъ городомъ. При свѣтѣ современнаго «прогресса» эта поговорка представляется довольно глупой. Въ наше время не придаютъ значенія управленію собой. Мы это оставили позади себя. Теперь полагается городу управлять нами въ то время, какъ мы воображаемъ, что управляемъ городомъ.

Большая часть современнаго законодательства заключается только въ массѣ распоряженій, ограничивающихъ нашу личную отвѣтственность и инициативу и расширяющихъ ту область нашей жизни, которая контролируется государствомъ. Это происходитъ оттого, что люди теряютъ

дѣлѣ: топить печки и готовить для верхнихъ, а то они народъ непривычный къ этому».

Тутъ онъ началъ кричать еще громче: «Что вы, неужели глухіе, вѣдь Христосъ сказалъ, чтобы всѣ топили сами и кормились своими трудами», и съ надрывающимъ сердцемъ началъ бѣгать во всѣ стороны. Къ какому дому не подбѣжить, всѣ спятъ. Онъ, хотя съ великимъ трудомъ, а все-таки открылъ всѣ ставни, которыя закрылись сами, не знаятъ къмъ. Народъ увидалъ свѣтъ. Всѣ начали благодарить его за открытіе свѣта и съ великимъ удовольствіемъ стали смотрѣть на свѣтъ, какъ заключенные въ тюрьму видятъ свѣтъ, а выйти не могутъ, только ожидаютъ, когда ихъ выпустятъ на свободу.

А все-таки ему жалъче было тотъ домъ, въ которомъ самъ чуть было не погибъ. Сталъ кричать и упрекать верхнихъ: «Разбойники, душегубы, что вы дѣлаете, сами вѣдь гибнете и весь народъ мучаете». Тутъ уже нѣкоторые снизу начали смотрѣть вверхъ по другому и спрашивать его: «Неужели они разбойники», а сверху стали прислушиваться: «Кто говорилъ, что мы разбойники?» — «Или не слышали — Толстой». — «Дураки, чего ему вѣрить, онъ отрекся отъ Бога и не вѣритъ Христу. Развѣ не видите, что дѣлаетъ: открылъ всѣ ставни, которыя закрылъ самъ Христосъ, и такъ велѣтъ жить: намъ сверху, а вамъ снизу. Вѣдь кому-нибудь да надо же топить, а то можно сверху замерзнуть». — «Такъ слѣзайте, всѣ будемъ заодно. Христосъ сказалъ, чтобы мы всѣ должны быть равными на землѣ, какъ дѣти одного отца. Вѣдь всѣ мы братья». — «Ахъ ты свинья, развѣ не знаешь, кто мы. Убить его — еретикъ онъ, толстовецъ. Вишь, что выдумалъ: я ему братъ, забылъ видно ученіе Христа».

И многихъ, кто осмѣливался спрашивать и разговаривать съ Толстымъ, Львомъ Николаевичемъ, гнали и мучали по тюрьмамъ. Левъ Николаевичъ еще пуще надрывался сердцемъ и началъ кричать такъ, что по всей землѣ слышно было, какъ онъ ревѣлъ отъ большого сердца, словно громомъ ударило по всей землѣ. — «Опомнитесь, остановитесь каждый на своемъ мѣстѣ и взгляните, что вы дѣлаете, душегубы, зачѣмъ убиваете невинныхъ, вѣдь они только слышатъ, что я говорю, а сами молчатъ, а вы ихъ мучаете. Тогда самое лучшее накинѣте петлю на мою шею, а иначе я не замолчу и буду кричать еще громче. Вѣдь вы Христа сдѣлали атаманомъ разбойниковъ, вдумайтесь, который кровью своей всѣхъ откупилъ, а вы во имя его надѣлали вертепы, гдѣ скромно хранится вся ложь, а главою вертепа называете Христа. Опомнитесь, вѣдь каждый за себя долженъ дать отвѣтъ передъ Всевышнимъ Создателемъ, вѣдь здѣсь мы все равно въ гостяхъ, а Христосъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, а въ каждомъ человѣкѣ... Ежели посѣтили кого въ темницѣ, то истинно говорю — посѣтили меня».

Тогда книжники и фарисеи и владыки земные начали внушать народу, который у нихъ подъ ногами: «Смотрите, берегитесь его и остерегайтесь читать его книги, вѣдь мы его предали анафемѣ за то, что онъ клеветаетъ на нашу церковь, называетъ ее вертепомъ разбойниковъ, которому глава Христосъ, безъ котораго никакъ нельзя спастись. А мы вѣдь пастыри церкви, вы должны слушать насъ во всемъ, а то всѣ можете погибнуть, какъ овцы безъ пастуха».

И нѣкоторые даже стали ненавидѣть того, кто всю свою жизнь старался за весь народъ. И не удивительно, вѣдь только народъ и слышитъ, что говоритъ попъ, и во всемъ вѣритъ ему, какъ Божія овечка въ лѣсу среди волковъ. А вѣдь они сами всѣ знаютъ, что все ученіе ихъ ложное и вредное. Зачѣмъ изъ своихъ малыхъ выгодъ губятъ свои души и обманываютъ весь народъ, на которыхъ Христосъ сказалъ: берегитесь лекеучителей, которые будутъ учить во имя мое, да вы ихъ узнаете по слѣдамъ ихнимъ и по примѣру. На народъ будутъ накладывать такое бремя, а сами и перстомъ не тронуть. И ясно, какъ день, что за яйцы и лепешки мѣняютъ свою душу и губятъ весь народъ изъ-за своего только брюха. Никакъ не могутъ сказать правду, а только скрываютъ, даже клеветаютъ еще на тѣхъ, кто видитъ и всѣмъ указываетъ правильно, что всѣ разбойники хранятся между нами. Сами идемъ и бьемъ другъ друга, только не замѣчаемъ, потому что всѣ подъ гипнозомъ. Намъ скажутъ: «Ступай, убей», мы бьемъ, за что — не знаемъ. Скажутъ: «На штыки», мы сейчасъ готовы и кидаемся хуже лютѣйшаго звѣря. Скажутъ: «Отступни», отступаемъ, а потомъ даже молимся за этихъ убійцъ христоролюбивому воинству, будто такъ Христосъ велѣлъ.

Левъ Николаевичъ за то съ истерзанной душой ушелъ повѣдомо куда, навѣрно хотѣлъ идти за единомышленникомъ своимъ, за Христомъ, надъ которымъ (самъ) и Толстой уди-

влялся: «Какъ ты могъ прорубить окно въ потьмахъ?». — «Да вѣдь я былъ плотникъ». Тутъ и удивительнаго нѣтъ, а удивительно то, что зачѣмъ закрыли прорубленное мѣсто, вѣдь тамъ всѣмъ темно, на каждомъ шагѣ можно споткнуться и убится и всѣмъ боязно въ потьмахъ. А Толстой, Левъ Николаевичъ, вѣдь только открылъ ставни, которыя неизвѣстно къмъ закрылись.

Теперь будемъ ждать, когда отпрутятся всѣ двери, и всѣ пойдемъ за Христомъ. Навѣрно сбудется, когда придутъ, обнявшись, Христосъ и Толстой и скажутъ вдвоемъ: выходите всѣ на волю. Супротивъ двоихъ навѣрно никто не сможетъ устоять: всѣмъ стало видно, что Левъ Николаевичъ всю жизнь звалъ Христа на помощь, а теперь самъ ушелъ за нимъ, и никто не могъ его задержать.

Захаръ Кузнецовъ.

Толстой *).

Существуютъ пять не-толстовскихъ міровоззрѣній.

1) Церковное, по которому настоящее время и весь этотъ видимый міръ является долиной скорби, отъ которой человѣкъ долженъ отвернуться для пріобрѣтенія загробнаго, *будущаго* блаженства вѣрой въ ученіе церкви и повиновеніемъ церковнымъ и государственнымъ властямъ. Настоящее же время и міръ остаются навсегда зломъ.

2) Міровоззрѣніе государственное, по которому міръ не только не улучшается, но впалъ бы въ величайшія бѣдствія войны всѣхъ противъ всѣхъ, если бы не было государственнаго насилія, благодаря которому, при помощи арміи и духовенства, жизнь міра доводится до той высшей возможной степени совершенства, которая проявляется въ существующемъ общественномъ строѣ. Для достиженія же загробнаго блаженства требуется повиновеніе не только государственнымъ властямъ, но еще и требованіямъ церкви.

3) Міровоззрѣніе такъ называемыхъ реальнѣхъ политическихъ дѣятелей, «либераловъ», по которому существующій строй вовсе не наилучшій возможный, а долженъ свободно развиваться въ либеральномъ направленіи на историческихъ началахъ. Для этого надо дать народу свободу развитія и въ то же время конституціею установить такой порядокъ вещей, чтобы вожаками этого развитія избирались не государственники-консерваторы, а либералы. Тогда дѣла вѣры будутъ отдѣлены отъ государства. Всѣ вѣры будутъ терпимы. Нетерпимой будетъ только невѣріе въ конституціонное правительство, охраняемое возобновленной арміей и реорганизованными тюрьмами.

4) Міровоззрѣніе социально-революціонное, по которому общественный строй долженъ пзмѣниться отнюдь не путемъ историческаго, постепеннаго развитія, а осуществленіемъ совершенно вымышленнаго идеала товарищескихъ отношеній между людьми, выраженнаго въ ученіяхъ социализма о переходѣ средствъ производства къ государству. Потому и самъ переворотъ будетъ совершаться не постепенно, самъ собою, а разомъ, внезапнымъ подъемомъ народной энергіи, т. е. революціей. Приближеніе этого момента зависитъ отъ силы пропаганды въ народѣ и отъ перехода политической власти въ руки социалистовъ. Власть эта будетъ охраняться не арміей, а милиціей. Вѣра же или невѣріе — дѣло вполне частное, ненужное. Нужна только вѣра въ социалистическій идеалъ будущаго. Въ настоящъ же улучшеніи жизни людской не только не желательны, но прямо вредны, такъ какъ отвлекаютъ отъ вѣры въ полное улучшеніе порядка въ будущемъ.

5) Міровоззрѣніе анархическое, по которому все зло, мѣшающее естественному общежитію міра, происходитъ отъ духовенства, государственниковъ, либераловъ и революціонеровъ, считающихъ каждый по отношенію къ себѣ необходимымъ достиженіе и удержаніе власти надъ людьми посредствомъ организованнаго, вооруженнаго насилія. Улучшеніе міра можетъ произойти только уничтоженіемъ всѣхъ властителей. Средствомъ же этого уничтоженія властителей не можетъ служить ни армія, ни милиція, такъ какъ обѣ обуславливаются опять таки командующей ихъ властью; но уничтоженіе должно совершаться все возрастающимъ числомъ

*) Эта статья, написанная другомъ Л. Н-ча, пѣвѣстнымъ финскимъ писателемъ А. А. Ерифельтомъ еще въ 1908 г. къ юбилею Л. Н-ча, была тогда же напечатана по-фински. Авторъ присылалъ ее Л. Н-чу, которому она понравилась. Уже послѣ смерти Л. Н-ча А. А. Ерифельтъ перевелъ ее по нашей просьбѣ на русскій языкъ. — *Ред.*

частных, никому неподвластных божеств. Религия же или нравственное чувство, запрещающее такое насилие ради будущего ничто иное, как бредь мозга.

Вот пять не толстовских мировоззрений. В них замѣчается общая черта: противорѣчіе между идеаломъ будущаго и средствами осуществленія этого идеала въ настоящемъ. Всѣ эти средства: церковная нетерпимость, войны, борьба за власть, революція, бомбы—всѣ они возбуждаютъ въ настоящемъ враждебность между людьми, т. е. нѣчто не приближающее къ идеалу будущаго, а отдаляющее отъ него.

А по толстовскому жизнепониманію настоящее время есть та единственная вѣчность, въ которой люди могутъ найти истинно-освобождающую ихъ жизнь, и потому стремленіе къ добрымъ дѣламъ въ настоящемъ никакъ нельзя замѣнить дурными дѣлами во имя какого бы ни было будущаго. И потому для свободной жизни въ настоящемъ необходимо отказаться не только отъ употребленія всякой власти надъ людьми, но и отъ повиновенія всѣмъ такимъ повелѣніямъ властителей, которыя во имя будущаго требуютъ отъ человѣка дѣлъ, возбуждающихъ враждебность между людьми въ настоящемъ. Миръ же улучшается только по мѣрѣ просвѣтленія въ немъ этой истины.

Такимъ образомъ толстовское жизнепониманіе является между мировоззрѣніями единственнымъ, въ которомъ цѣль совпадаетъ со средствами. И именно благодаря этому совпадению оно и является для человѣчества религіей.

Жившій среди насъ Толстой—какъ башня, верхушку которой мы, современники его, не видимъ только потому, что стѣна башни поднимается какъ-разъ у нашихъ ногъ и мы принимаемъ ее за стѣну обыкновеннаго сарая. Но отойдутъ грядущія поколѣнія, и они увидятъ высоту этого жизнепониманія, царящую надъ міромъ.

Арвидъ Эрнефельтъ.

Къ современникамъ Толстого *).

Мы, современники Толстого, вмѣстѣ съ чувствомъ радости, что жили при немъ—иные видѣли и слышали его самого, иные видѣли на другихъ людяхъ отблески его мыслей, слышали отголоски его рѣчей,—мы вмѣстѣ съ этимъ счастьемъ невольно испытываемъ еще иное чувство: чувство это—сознаніе долга передъ нашими потомками.

Долгъ нашъ—уберечь, сколько въ нашихъ силахъ, тотъ образъ Толстого, который еще свѣжъ у нашего поколѣнія. Мы должны стараться спасти отъ гибели то, что помнятъ о немъ наши современники, собрать, что записано, побудить записать то, что держится только въ памяти, помочь разобраться въ запискахъ тѣмъ, кто потомъ, послѣ насъ, будетъ доискиваться правды о Толстомъ, объяснить имъ непонятное, отклонить невѣрное.

И дѣлать это нужно теперь же, не откладывая на послѣ; нужно спѣшить, пока еще живы и бодры люди, съ Толстымъ общавшіеся. Что для нихъ ясно и просто, то для слѣдующихъ поколѣній будетъ неисполнено вопросовъ и сомнѣній.

Второй обязанностью своею по отношенію къ слѣдующимъ за нами поколѣніямъ считаемъ мы работу надъ твореніями Толстого. На первомъ планѣ стоитъ изслѣдованіе тѣхъ произведеній, въ писанія которыхъ принимали участіе другія лица: такія розысканія возможны только теперь и только при содѣйствіи лицъ, совместно съ Толстымъ работавшихъ,—и къ нимъ наша просьба о помощи и указаніяхъ.

Но и другія писанія Толстого могутъ войти въ охватъ нашего кругозора. Если комментарий по отношенію къ нѣкоторымъ произведеніямъ теперь еще невозможенъ въ полномъ объемѣ, то, напротивъ, есть такія его стороны, которыя именно теперь только и возможны, благодаря содѣйствію живыхъ людей, благодаря ихъ памяти и ихъ знанію сочетаній событій.

Долгомъ нашимъ поэтому нужно считать также работу надъ этими произведеніями и критическое изданіе ихъ текстовъ, чтобы путемъ опыта вмѣстѣ съ тѣмъ выработать приемы воспроизведенія и подготовить печатаемые тексты къ будущему научному изданію полнаго собранія твореній Толстого.

Наряду съ этимъ мы должны не упускать изъ вида и

*) Предисловіе къ недавно вышедшему сборнику, „Толстой. Памятники творчества и жизни“, подъ редакціей В. И. Срезневскаго и А. Л. Бема. Изд-ство „Огни“. Петроградъ. 1917 г. Ц. 3 р. Складъ изданія: Петроградъ. Книг-во „Огни“, Фонтанка, 80.—Москва. Книг-во „Задруга“, М. Никитская, 29.

писемъ Толстого—и въ этомъ отношеніи помочь тому дѣлу, которое давно началъ В. Г. Чертковъ и продолжаетъ дочь Льва Николаевича, Александра Львовна Толстая. Настоятельная нужда разыскивать и собирать эти письма—крупныя мысли Толстого. Разбѣянные по всему міру, одними забытыя и имъ ненужныя, другими свято хранимыя, даже скрываемыя отъ чужихъ взоровъ, они и отъ той и другой причины легко могутъ погибнуть, какъ гибнутъ теперь и какъ уже погибали прежде. Нужно путемъ изданія спасти ихъ отъ гибели и въ то же время при помощи свѣдущихъ лицъ, особенно тѣхъ, къ кому писалъ Л. Н., давать къ нимъ комментарий. И это послѣднее возможно только теперь, потому что часто именно эти лица и они одни, могутъ разъяснить сомнительныя мѣста, а они—свидѣтели-очевидцы—уходятъ одинъ за другимъ въ могилу.

Такъ, обязанности, временемъ налагаемыя на наше поколѣніе, строятъ планъ той работы, которая должна быть выполнена нами, современниками Толстого. Главныхъ ея заданій два: первое—закрѣпленіе въ памяти правдиваго образа Толстого при содѣйствіи тѣхъ, кто его зналъ, а второе при ихъ же помощи—собираніе и изслѣдованіе твореній Толстого. Все остальное, что входитъ въ планъ работы, примыкаетъ къ первому или ко второму.

Мысль о постановкѣ этихъ вопросовъ, о своевременности разработокъ этого плана и о необходимости разрѣшенія этихъ задачъ зародилась въ небольшомъ кружкѣ лицъ, преимущественно связанныхъ такъ или иначе съ Петроградскимъ Толстовскимъ Музеемъ.

Не увлекаясь широкими перспективами, они рѣшили постепенно, по мѣрѣ накопленія матеріала, издавать небольшіе сборники въ томъ родѣ, какъ нынѣ выпускаемый, и въ этомъ дѣлѣ встрѣтили духовную и матеріальную поддержку со стороны здѣшняго книгоиздательства „Огни“. Такъ началась работа.

Хочется надѣяться, что сборники наши найдутъ откликъ среди тѣхъ, кто ищетъ правды о Толстомъ, кто стремится его изучать. Хочется надѣяться также, что тѣ, кто помнитъ Толстого, кто зналъ его лично, подѣлятся съ нами своими знаніями, своими воспоминаніями и помогутъ дать на страницахъ этихъ книжекъ образъ Толстого—подлиннаго, истиннаго и живого.

О смертной казни.

Когда русское правительство, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, отмѣнило смертную казнь, вся сознательная Россія восторженно привѣтствовала это необычайное, со стороны государственной власти, проявленіе человѣчности. По этому поводу въ №1 журнала „Кличъ“, появилась статья М. Гернета, которую мы здѣсь приводимъ въ сокращенномъ видѣ:

«Нѣтъ болѣе смертной казни!»

...Я помню одинъ эпизодъ изъ борьбы русскаго народа противъ смертной казни. Это было двѣнадцать лѣтъ тому назадъ на второмъ сѣздѣ Всероссийскаго Крестьянскаго Союза. Предстояла казнь возставшихъ матросовъ. Одинъ изъ участниковъ сѣзда предлагалъ сѣзду требовать отъ правительства помилованія возставшихъ съ угрозою, что когда народъ встанетъ у власти, онъ сумѣетъ перевѣшать палачей стараго режима. Одну минуту казалось, что это предложеніе *отмены* казни и *угрозы* казнью будетъ принято собраніемъ. Но это казалось лишь одну минуту. Громоу аплодисментовъ встрѣтилъ сѣздъ горячій призывъ другого оратора: «мы можемъ убить врага въ борьбѣ, но побѣжденнаго — никогда! Когда мы станемъ у власти, мы будемъ чисты отъ крови: на насъ не будетъ ни одной ея капли, мы сумѣемъ обойтись безъ палачей!»

«Эти слова, казавшіяся тогда несбыточной мечтой идеалиста-фантазера, были пророческими: мы, народъ, у власти, и на насъ нѣтъ ни одной капли крови казненныхъ, у насъ болѣе нѣтъ смертной казни.

«Безпримѣрный въ исторіи человѣчества политическій переворотъ, сумѣвшій въ три дня низвергнуть старый строй и въ три же дня заложить фундаментъ новаго, поднялъ насъ на неизмѣримую нравственную высоту.

«Растворяя двери казематовъ, гдѣ были заживо похоронены наши борцы, встрѣчая ихъ, сгноенныхъ, въ далекой ссылкѣ, видя ихъ тѣла, еще трепещущія на висѣлицахъ, народъ-побѣдитель отмѣнилъ смертную казнь. И отмѣнилъ безъ всякихъ ограниченій и навсегда.

способность контролировать себя. Выходит, что потеря способности управлять собою дает человеку право участвовать в управлении городами и государствами. Тѣхъ, кто неспособенъ хорошо завѣдывать своими собственными дѣлами, приглашаютъ къ участию въ управленіи чужими дѣлами.

Толпа обворожена словомъ «самоуправленіе», не отдавая себѣ отчета въ томъ, какъ оно на самомъ дѣлѣ осуществляется. Поэтому мы видимъ людей, воображающихъ, что, повинаясь правительствамъ, они повинуются самимъ себѣ, и что, такъ какъ они избираютъ своихъ начальниковъ, то, значитъ, они свободны.

Въ дѣйствительности же люди не управляютъ городами, въ которыхъ живутъ, не управляютъ и собою. Даже тѣ условія, которыя правительства считаютъ наиболѣе желательными для получения мнѣнія людей о томъ, кому слѣдуетъ быть ихъ представителями въ законодательныхъ учрежденіяхъ,—условія эти самыя неблагоприятныя для того душевнаго равновѣсія и самообладанія, которыя необходимы при выясненіи этого вопроса. Для правительства нежелательно, чтобы выборщики владѣли собою. Ихъ сознательно приводятъ въ состояніе нервного напряженія и возбужденія страстей, а затѣмъ, когда царствуетъ пристрастіе, ихъ просятъ отбѣдѣть крестиками то или другое имя.

Выборная система не есть обезпеченіе свободы. Это—такое устройство, которое, при современной ступени политической эволюціи, считается необходимымъ для успокоенія населенія. Это не болѣе, какъ удобное приспособленіе для получения согласія управляемыхъ.

Я помню, какъ въ одинъ декабрьскій вечеръ 1909 г. я сидѣлъ въ совѣщательной залѣ русской Государственной Думы и думалъ о томъ, какимъ великолѣпнымъ отводомъ глазъ служатъ подобныя политическія говорильни. Помню, что нѣсколько лицъ въ Петербургѣ говорили мнѣ въ то время, что русскій народъ падаетъ духомъ и близокъ къ отчаянію. И въ это самое время Дума, предполагаемый органъ правительственнаго народнаго освобожденія, утверждала нѣкоторыя изъ наиболѣе коварныхъ мѣропріятій для пущаго пораженія народа.

Русское правительство какъ можно долѣе давало отпоръ русскому народу въ его требованіяхъ справедливости и свободы. Послѣ цѣлаго періода уличной стрѣльбы, погромовъ, рѣзни, казней и тюремныхъ заключеній,—петиціи нѣкоторой части русскаго народа были уважены и, въ лицѣ Думы, установлены зачатки тѣхъ политическихъ учрежденій, которыя имѣются у насъ въ Западной Европѣ. И одно изъ первыхъ постановленій Думы состояло въ томъ, что оно утвердило правительственное распоряженіе объ упраздненіи въ Финляндіи того самаго, чѣмъ, какъ предполагается, служитъ Дума для Россіи, а именно конституціоннаго правленія. Народъ просилъ хлѣба, ему дали камень.

То же самое происходило и происходитъ въ Англіи. При всѣхъ нашихъ избирательныхъ правахъ, при свободѣ слова, свободѣ торговли, свободѣ образованія,—нашъ англійскій народъ все еще угнетенъ и находится на краю отчаянія. Въмѣсто возстановленія его естественныхъ правъ, онъ былъ доведенъ до взаимныхъ распрій о томъ, имѣетъ ли для него на самомъ дѣлѣ какое-нибудь значеніе его, такъ называемая, политическая свобода? И принадлежитъ ли послѣднее слово въ законодательствѣ официальнымъ представителямъ народа, или же тѣмъ, кто на самомъ дѣлѣ являются его хозяевами? Вопросы о палатѣ лордовъ и женскомъ избирательномъ правѣ служатъ удобнымъ отводомъ глазъ, которымъ руководители политики морочатъ избирателей на подобіе того, какъ опытный гипнотизаторъ пользуется своими блестящими стеклышками.

Политическіе дѣятели стараются увѣрить народъ, что всѣ благодѣтельные государственныя реформы имѣютъ источникомъ ихъ мудрости и добродѣтели. Въ дѣйствительности, реформы эти, разумѣется, вызваны непосредственнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія на законодательство. Расширеніе избирательнаго права есть только средство задобривать тѣхъ, кто желаетъ болѣе существеннаго, и откладывать осуществленіе ихъ требованій. Подобно мышеловкамъ, заманивающимъ мышей на пути въ кладовую, избирательныя урны служатъ у правительства ловушками для легковѣрной демократіи на пути къ общественной справедливости.

Избирательная система приводитъ къ умноженію вредныхъ законовъ, застилающихъ собою истинный законъ. Она вызываетъ непрерывный рядъ все болѣе и болѣе сложныхъ новыхъ законовъ для противодѣйствія пагубнымъ послѣдствіямъ прежнихъ. Это притупляетъ то разумное сознаніе въ человѣкѣ, которое одно при свободномъ и полномъ своемъ проявленіи содѣйствуетъ увеличенію блага.

Общій результатъ болѣе части современнаго законодательства состоитъ въ томъ, чтобы уничтожать въ одномъ направленіи то, что люди стараются установить въ другомъ. Народъ въ дѣйствительности проситъ свободы,—свободы зарабатывать себѣ свое существованіе; между тѣмъ какъ его представители въ законодательныхъ учрежденіяхъ проводятъ отъ его имени постановленія, ограничивающія его свободу даже въ его домашнемъ кругу.

(Перев. съ англ. В. Ч.).

Участникамъ Государственнаго Совѣщанія *).

Въ качествѣ свободного гражданина, прошу удѣлить нѣсколько минутъ вниманія моему настоящему обращенію.

Насколько я понимаю, собравшіеся на этомъ Государственномъ Совѣщаніи заняты, главнымъ образомъ, вопросомъ,—какъ сформировать «твердую власть», которая могла бы сейчасъ ввести порядокъ въ странѣ?

Или, иначе, такъ какъ людей, желающихъ властвовать, найдется много, гдѣ взять опору для этой власти?

Если будемъ откровенны, то должны будемъ признать, что *въ настоящее время власть не пользуется поддержкой народа*. И какія бы ни придумывались комбинаціи и коалиціи, этой поддержки и впередъ не предвидится.

И напрасно вы грозите всѣми муками ада—нѣтъ у васъ той силы, посредствомъ которой вы бы могли осуществить наши планы.

*) Обращеніе это къ участникамъ Государственнаго совѣщанія происходившаго въ Москвѣ 12—14 Августа с. г., доставлено въ нашу редакцію съ просьбой огласить его, что мы и исполняемъ съ готовностью.

Ред.

Гдѣ же причина этого ному отношенію къ властѣ?

Главная причина, какъ исполняется насущнѣйшаго, что люди всегда очень нуждались, а теперь

30 іюля 1917 г.

Народъ не хочетъ болѣе, что люди всегда очень нуждались, а теперь исполняется насущнѣйшаго, что люди всегда очень нуждались, а теперь

Какъ моряку, отправляющагося въ плаваніе, такъ совершенно не замѣчаемъ и не состояніемъ моря, если только онъ чужденной жизни. Зло само себя обна- правительству, не желающему соб- передъ, невольно затемняетъ зрѣніе, и съ состояніемъ народа. Въ прежнія видѣть что-либо кромѣ зла. Этому тельно—правительство могло силой зас- чей части нашей печати, которая угодно. Теперь же это невозможно: люди, тѣмъ же, что дѣлается на подчиняться, но и дать нужную како- бы то доброе, что дѣлается на силу для того, чтобы оно могло властвовать.

Не только трудовой народъ требуетъ окончанія соотвѣствующаго от- здравый смыслъ: у насъ не только нѣтъ никакихъ да- реформаторовъ но мы съ каждымъ днемъ приближаемся къ тому предѣлу, гдѣ на- ко- вѣ), но конецъ русскаго государства даже въ томъ случаѣ, если нѣмцы из- снисходительности насъ не тронутъ. И чѣмъ раньше будетъ заключенъ миръ, тѣмъ менѣе невыгоденъ будетъ онъ для насъ. А если война затя-нется на зиму, когда наступятъ холода, дожди и можетъ быть и голодъ, то предстоитъ то, что вы считаете самымъ ужаснымъ: солдаты валомъ повалитъ домой, и некому будетъ ихъ разстрѣливать за это. Смертная казнь не только не поможетъ, но можетъ обратиться въ другую сторону. У кого нѣтъ смѣлости и проницательности, чтобы видѣть это сейчасъ тотъ увидитъ это въ недалекомъ будущемъ, когда факты ударятъ въ лицо, и уже будетъ поздно.

Откиньте ваши личныя мечты и надежды, посмотрите правдѣ въ глаза и дѣйствуйте сообразно не съ тѣмъ, чего вамъ лично хотѣлось бы, а съ тѣмъ, чего хочетъ огромный многомилліонный измученный народъ, идущій своими путями и имѣющей на то свое право не меньше васъ и виноватый лишь въ томъ, что при всѣхъ его многочисленныхъ дѣйствительно переносимыхъ имъ (вы же только *сочувствуете*) тяжкихъ страданій онъ, народъ, лишень той гордости и самолюбія, которыя мѣшаютъ вамъ видѣть то, что есть.

Но какъ удовлетворить это народное желаніе, какъ кончать войну?

Имѣю смѣлость полагать, что это вполне осуществимо при полномъ и искреннемъ желаніи.

Прежде всего можно было бы объявить нашимъ союзникамъ, что мы не можемъ продолжать войну, такъ какъ, главнымъ образомъ, народъ этого не желаетъ, и предложить немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ съ противниками черезъ официальныхъ представителей.

Нельзя думать,—чѣмъ насъ сейчасъ особенно пугаютъ,—чтобы союзники наши были настолько варварски жестоки, чтобы напасть на насъ только за то, что мы въ военномъ отношеніи слабы. Скорѣе можно предполагать, что они, наши союзники, сами рады будутъ предлогу вступить на путь мира, если только мы объ этомъ серьезно, искренно и смѣло заявимъ.

Затѣмъ уже—заявить о томъ же, т. е. о нашемъ желаніи начать переговоры о мирѣ, и Германіи и Австріи, предлагая немедленно выслать, куда потребуетъ, официальныхъ делегатовъ. И даже въ случаѣ, если бы Германія въ этихъ переговорахъ предложила бы непомѣрно большія требованія, то и это было бы только выгодно нашему правительству—оно объявило бы эти требованія народу, предоставивъ ему продолжать войну или уступить.

Всякія же попытки спасти Россію помимо вступленія на путь мирныхъ переговоровъ безнадежно обречены на неудачу: народъ менѣе дорожитъ и свободой и даже государствомъ, чѣмъ правомъ заниматься мирнымъ трудомъ.

Вы же до сихъ поръ не сдѣлали ни одной попытки въ этомъ направленіи и пока не сдѣлаете такой попытки, вы будете одиноки въ своемъ усердіи и желаніи спасти страну. Народъ вамъ не вѣритъ.

Если вы подлинно озабочены спасеніемъ народа—спасайте его такъ, какъ онъ самъ того хочетъ.

С. Бялинскій.

13 августа 1917 г.

Москва.

Движеніе въ пользу мира.

Въ русской повременной печати подробно освѣщается и комментируется движеніе въ пользу продолженія войны. Нельзя сказать того же о движеніи противъ войны. Въ виду этого, мы считаемъ желательнымъ отмѣчать главнѣйшія изъ этихъ проявленій мирныхъ стремленій во всѣхъ странахъ, которыя такъ или иначе доходятъ до насъ.

Въ Англіи движеніе въ пользу мира, выражающееся, между прочимъ, и въ многочисленныхъ отказахъ отъ военной службы по религиознымъ убѣжденіямъ, настолько серьезно, что мы надѣемся посвятить ему отдѣльную статью на страницахъ «Единенія».

— Франція. Датская газета «Соціалдемократенъ» сообщаетъ подробности объ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій во французскомъ сенатѣ. Клемансо указалъ правительству на опасность, проистекающую изъ его легкомысленно небрежнаго отношенія къ мирной пропагандѣ, несмотря на то, что имѣются тайные списки около 7 тысячъ пацифистовъ и революціонеровъ и что заставка въ Парижѣ находится въ связи съ положеніемъ на фронтѣ. Солдаты, отпущенные на побывку, требуютъ, чтобы французы отправились въ Стокгольмъ для заключенія мира.

На это Мальви возразилъ, что невозможно арестовать 7 тысячъ чело- вѣкъ. 120 же изъ нихъ уже преданы суду. Вивіани разъяснилъ, что въ числѣ 7 тысячъ есть много солдатъ.

Говорятъ, что Мальви намѣренъ предложить законъ противъ пропа- ганды мира, карающей двухмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Но этотъ проектъ врядъ ли удастся провести въ жизнь, такъ какъ мирная пропа- ганда съ каждымъ днемъ захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе круги.

— Италия. Въ Италіи, какъ и повсюду въ воюющихъ странахъ, наблю- дается въ послѣднее время обостреніе борьбы между сторонниками про- долженія войны до побѣднаго конца и социалистами, требующими прекра- щенія безумной бойни народовъ. Борьба эта ведется на всѣхъ трибунахъ,

частных, никому неподвластных бо-
ли нравственное чувство, запрещающей разоб-
ди будущего ничто иное, как бред.

Вот пять не толстовских ми-
мѣчается общая черта: противорѣ-
душаго и средствами осуществленіе; эта зима не должна за-
стоящемъ. Все эти средства: цѣль словъ протестоваль радикаль-
ны, борьба за власть, революція, сказали онъ, не потому, что она
въ настоящемъ враждебность нуль: «Да будетъ вамъ! Надоѣли
не приближающее къ идеаль-
отъ него.

А по толстовскому... «Палата убѣждена, что всемирная война
есть та единственная... оружія, какъ не была она рѣшена до сихъ
найти истинно-освоб... системы наступленія и обороны. Съ другой
ніе къ добрымъ основанной на иллюзіяхъ и надежда, что война мо-
мѣнить... доведена до конца изморомъ, путемъ голоднаго истощенія
рага. Поэтому, въ виду растущихъ страданій широкихъ массъ народ-
ныхъ, палата признаетъ необходимымъ и настаиваетъ, чтобы итальян-
ское правительство исполняя волю большинства итальянскаго народа и
въ согласіи съ высказанными при объявленіи войны цѣлями своими,
произвело давленіе на правительства союзныхъ державъ въ смыслъ не-
медленнаго приступа къ переговорамъ о мирѣ». («Нов. Жизнь» 23 іюля
1917 г., № 82).

Согласно свѣдѣніямъ полученнымъ отъ лицъ, прибывшихъ изъ Италіи,
тамъ ведется энергичная пропаганда въ пользу мира.

На дняхъ произошли грандіозныя демонстраціи подъ лозунгами мира
въ Миланѣ, Туринѣ, Неаполѣ и Римѣ.

Пропагандисты мира и революціонеры объѣзжаютъ всю страну и чрез-
вычайно осложняютъ дѣятельность правительства и сторонниковъ войны.

Мэръ Милана—соціалистъ арестованъ за пропаганду мира.

Всюду происходятъ массовые аресты. Сыщики обыскиваютъ дома въ
поискахъ компрометирующихъ документовъ...

Имѣются основанія ожидать въ октябрѣ всеобщей забастовки, направ-
ленной противъ войны. («Новая Жизнь», 8 авг. 1917 г.).

Германія. — Членъ группы Либкнехта, секретарь партіи въ Бременѣ,
Пикъ, служащій на западномъ фронтѣ унтеръ-офицеромъ, отказался со
своимъ взводомъ стрѣлять.

Всѣ арестованы и предаются военному суду.

За браніе на западномъ фронтѣ 6 германскихъ солдатъ пригово-
рены къ каторгѣ на разные сроки. («Новая Жизнь», 12 авг., 1917 г., № 99).

Обзоръ печати.

Въ газ. «Впередъ», 12 іюля 1917 г., № 112, помѣщена поучительная
замѣтка подъ заглавіемъ: «Счетъ войны».

«Итоги еще не подведены, да и врядъ ли когда-нибудь человѣчество
сумѣетъ точно подсчитать, что стоила ему мировая война потерями въ
людяхъ, уничтоженіемъ матеріальныхъ цѣнностей, разрушеніемъ многихъ
тысячъ мелкихъ хозяйствъ и общественныхъ сооружений».

Точныхъ итоговъ еще нѣтъ, но нѣкоторыя статьи пассива уже
яркими буквами вписаны въ книгу мировой исторіи.

7 миллионѣвъ убитыхъ.

5 миллионѣвъ калѣкъ.

Это приблизительный подсчетъ, скорѣе всего значительно преумень-
шенный, тѣхъ невозвратимыхъ, навсегда погубленныхъ жизней, какія
соперничающіе между собою империалисты разныхъ странъ принесли на
алтарь бога войны.

14 миллионѣвъ раненыхъ, т.-е. людей, которые въ большей или мень-
шей степени еще долго будутъ чувствовать послѣдствія своего участія
въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Счетъ каждаго дня войны, и это изо дня въ день, въ теченіе этихъ
трехъ проклятыхъ лѣтъ:

6,364 убитыхъ,

4,546 калѣкъ,

12,726 раненыхъ.

На долю Россіи приходится приблизительно: 2.250,000 убитыхъ,
1.625,000 калѣкъ, 5.800,000 раненыхъ, на долю Англіи, Франціи, Италіи,
Бельгіи—1.880,000 убитыхъ, 1.360,000 калѣкъ, 4.500,000 раненыхъ, на долю
Германіи и Австро-Венгріи—2.450,000 убитыхъ, 1.750,000 калѣкъ, 5.900,000
раненыхъ.

Война убиваетъ не только живыхъ — она умерщвляетъ и еще
не родившихся: за три года войны въ воюющихъ странахъ число родив-
шихся уменьшилось на 9 миллионѣвъ.

Таковы потери людьми... А каковы денежные затраты, тотъ грузъ,
который многіе годы будетъ давить дѣтей и, можетъ быть, внуковъ,
пролетаріевъ, своей кровью напоившихъ поля Европы?

За три года воюющія государства заключили военныхъ займовъ на
сумму около 170 миллиардовъ рублей. До войны весь государственный
долгъ европейскихъ государствъ исчислялся всего въ 50 миллиардовъ—
онъ былъ накопленъ за пару столѣтій развитія капитализма.

Сопоставьте эти 170 миллиардовъ новыхъ государственныхъ долговъ
съ добычей золота на всемъ земномъ шарѣ за послѣднія пятьсотъ лѣтъ:
ее оцѣниваютъ всего только въ 30 миллиардовъ! Какія разницы!

Какъ безумны, какъ расточительны, какъ не оправдываются тѣми
цѣлями, какія ставятъ себѣ воюющія государства, произведенныя ими
затраты, убѣдительно всякихъ словъ говорятъ слѣдующія сопоставленія:

Россія могла бы на затраченныя для войны деньги покрыть себя
желѣзнодорожной сѣтью болѣе густой, чѣмъ бельгійская, которая счи-
талась самой густой сѣтью въ Европѣ.

Франція уже потеряла въ войнѣ вдвое большее число людей, чѣмъ
все мужское населеніе Эльзаса и Лотарингіи, за которые она воюетъ.

Германія на средства, затраченныя ею на войну, могла бы скупить
всю хлопчатобумажную промышленность Соединенныхъ Штатовъ, всѣ
ихъ мѣдные рудники и всю ихъ нефтяную промышленность, причемъ у
нея осталось бы еще много миллиардовъ.

Англія должна ежегодно платить въ видѣ процентовъ за заключен-
ные ею для войны займы сумму, на много превышающую стоимость всего
ея торговаго флота.

Эти сопоставленія можно значительно умножить, но они ничего не
прибавятъ къ уже указанному. Расточеніе плодовъ человѣческаго труда,
уничтоженіе безъ слѣда неизмѣримой суммы цѣнностей, миллионныя
жертвы людьми,—вотъ итоги мирового пожара, уже три года бушующаго
на землѣ».

Когда же конецъ этому вихрю безумія? Когда же люди поймутъ, что
какъ сила не есть право, такъ и право нельзя устанавливать силой, ибо
оно тогда неизбѣжно влечетъ за собой безправіе.

Въ журналѣ «Работница» (1917 г., 10 мая, №1—2, стр. 13) напеча-
на въ хроникѣ замѣтка подъ заглавіемъ «Желтая каторга». Приводимъ
существенныя мѣста изъ этой замѣтки:

«Въ мелинитовомъ отдѣлѣ на Охтенскомъ заводѣ (въ Петроградѣ)
взрывчатыхъ веществъ, гдѣ работаетъ больше 3 тысячъ женщинъ,
настоящая каторга. Тамъ, гдѣ производится заливка и промывка, воздухъ
до такой степени удушливый и ядовитый, что непривычному человѣку
трудно тамъ пробыть 5—10 минутъ».

Въ прежнее время, когда на заводѣ работали по 12 часовъ, женщинъ
изъ мелинитоваго отдѣла, отравленныхъ этимъ ядовитымъ воздухомъ,
потерявшихъ сознание, нерѣдко выносили на рукахъ изъ мастерской.

Все—лицо, руки, платье женщинъ, работающихъ въ мелинитовомъ
отдѣлѣ, становится желтымъ, и, когда онѣ выходятъ на улицу съ рабо-
ты, темные, несознательные люди кричатъ: «Вонъ идутъ желтыя!», еще
усиливая своими криками горѣчь положенія этихъ труженицъ. Стѣясь
показываться съ желтымъ лицомъ и руками на рабочихъ собраніяхъ,
работницы мелинитоваго отдѣла благодаря этому стоятъ въ сторонѣ отъ
всякой общественной жизни и работы. Проводя цѣлые дни за своей без-
просвѣтной работой въ мастерскихъ этой желтой каторги, работницы
отравляютъ не только свой организмъ, но и свое будущее потомство...»

Далѣе авторъ статьи—«Своя» (псевдонимъ) говоритъ о необходимости
для женщинъ-работницъ добиться запрещенія (закономъ) этой каторжной
работы для женщинъ и для этого рекомендуется выбирать своихъ
представительницъ въ заводскіе комитеты, добиваться полной отмѣны
женскаго труда на мелинитовомъ заводѣ... Но «пока будемъ добиваться
улучшенія условій труда, повышенія расцѣнокъ, сокращенія рабочаго
дня, улучшенія вентиляціи и пр. Если мы будемъ стоять въ сторонѣ отъ
всѣхъ товарищей рабочихъ, мы будемъ молча погибать на нашей желтой
каторгѣ».

Странное впечатлѣніе производятъ эти рецепты автора противъ та-
кого вопіющаго зла. Не говоря уже о злѣ съ принципиальной точки зрѣ-
нія, но и вредъ практическій отъ участія въ этой работѣ очевидно такъ
великъ, что можно только одно рекомендовать этимъ труженицамъ—
не идти въ это адское мѣсто ни за какія деньги, ни за какія «улучше-
нія» и прочіе посулы. Скажутъ: «нужда гонитъ». Но вѣдь находятъ
же возможность ихъ руководители—добиваться, требовать «полнаго
запрещенія женскаго труда» на подобныхъ каторжныхъ работахъ. Зна-
читъ, если сегодня выйдетъ этотъ законъ—всѣ эти женщины завтра
будутъ лишены своего «выгоднаго» заработка. Не можетъ же быть, что-
бы о нихъ тогда не позаботились социалисты-товарищи, желающими быть
организаторами и защитниками интересовъ пролетаріата. Почему же не
начать съ этого естественнаго вывода, т.-е. всѣми мѣрами распространить
среди женщинъ-работницъ понятіе о вредѣ и злѣ участія въ такомъ
производствѣ и хлопотать о нахожденіи заработка, болѣе приличест-
вующаго женской природѣ и человѣческому достоинству. А. Ч.

Помѣщаемъ ниже замѣтку, присланную намъ изъ Швейцаріи одной
нашей сотрудницей,—доставившую намъ со своимъ переводомъ и вы-
держку эту пѣсню нѣмецкой газеты.

Еще въ февралѣ 1915 г. въ вѣнской газетѣ «Neue Freie Presse» была
помѣщена слѣдующая замѣтка:

«Пѣсня матерей противъ войны».

«Въ Нью-Йоркѣ теперь поется во всѣхъ кафэ-шантанахъ, кабаре, на
улицѣ и въ салонахъ пѣсня-протестъ противъ войны, которая въ пере-
водѣ гласитъ приблизительно такъ:

«Не воинѣмъ воспитала я сына моего,
А на радость и на гордость старости моей;
Кто смѣетъ оружіе въ руки дать ему,
Чтобы убилъ онъ сына матери другой?
Пора, пора оружіе побросать,—
Не было-бъ никогда войны нигдѣ ни одной,—
Если бѣ всѣ матери крикнули міру:
Не воинѣмъ воспитала я сына моего!..»

Затѣмъ брюнская газета «Volksfreund» перепечатала эту замѣтку въ
номерѣ отъ 2 марта 1915 г. Изъ брюнской газеты она перешла въ номерѣ отъ
5 марта «Volkswacht» моравскаго города Шенебергъ. Замѣтка нигдѣ не
вызывала запрещенія. Нѣкій Карлъ Лангеръ, чиновникъ при окружной
кассѣ страхованія отъ болѣзней, переписалъ это стихотвореніе, сдѣлалъ
на пишущей машинкѣ 8—10 копій и роздалъ нѣсколько экземпляровъ
женщинамъ, приходившимъ въ кассу. Объ этомъ узнали власти. Карлъ
Лангеръ былъ сейчасъ же арестованъ и преданъ военному суду въ Кра-
ковѣ (Моравск. Ostrau) по обвиненію въ нарушеніи общественнаго порядка
(парагр. 65, воен. свода закон.). Военный судъ призналъ Лангера винов-
нымъ и приговорилъ его—къ какому наказанію?—къ смертной казни
черезъ повѣшеніе. Путемъ помилованія приговоръ былъ смягченъ на пять
лѣтъ каторжной тюрьмы. Въ настоящее время Лангеръ сидитъ въ
тюрьмѣ въ Меллерсдорфѣ». (Вѣнскій Arbeiter-Zeitung отъ 26 мая 1917 г.).

(Сообщила Д. Б.).

На состоявшемся в Англии в мае с. г. собрании «Общества отказывающихся от воинской повинности по убеждениям совести» было постановлено послать русскому народу сочувственный привѣтъ по случаю происшедшаго у нас государственнаго переворота, слѣдующаго содержания:

«Русскимъ революціонерамъ!

Товарищамъ нашимъ въ свободной Россіи мы шлемъ поздравительный привѣтъ, какъ сторонники свободы, глубоко цѣнящіе героизмъ вашей продолжительной борьбы и сознающіе, что человѣчество стало счастливей благодаря вашей побѣдѣ. Какъ вѣрующіе въ братство всѣхъ людей, мы полны горячей надежды, что совершившіяся въ Россіи событія поведутъ къ миру, основанному на доброжелательствѣ и братскомъ отношеніи между нынѣ воюющими народами.

Подписано за Общество отказывающихся отъ воинской повинности и почти четырехъ тысячъ англичанъ, заключенныхъ въ тюрьмы за то, что вѣрять въ международное братство и потому отказываются участвовать въ войнѣ. — Предсѣдатель *Бертрандъ Расселъ*.

(Изъ газеты «The Tribunal» 3 мая 1917 г.).

Обмѣнъ мыслей.

Казань, 8 августа 1917 г.

Долго я не писалъ вамъ, потому, что не былъ свободенъ; съ 13-го июня по 2 августа с. г. я сидѣлъ за желѣзными рѣшетками и замками за свои убѣждения. Обстановка «психиатрической лечебницы» оказалась тяжелѣе тюремной, но я думаю, что дешево отдѣлался и что это сидѣніе имѣло для меня свои полезныя стороны. Я имѣлъ возможность, благодаря этому, не измѣнить своимъ убѣжденіямъ и остаться жить и кромѣ того понять цѣну жизни и свободы.

Попалъ я въ это учрежденіе слѣдующимъ образомъ. Послѣ объявленія о переосвидѣтельствованіи бѣлобилетниковъ я былъ помѣщенъ въ военный госпиталь на испытаніе. Тамъ я лишился аппетита и не ѣлъ и мало пилъ около шести дней. У меня появилась бѣлая пѣна и стала слѣзаться кожа съ языка. Я страшно похудѣлъ. Наблюдательные мстители буржуазіи, донесли объ этомъ своему главному депутату, а тотъ — комиссіи врачей, и мнѣ съ адской усмѣшкой было объявлено, что меня совсѣмъ освободятъ отъ службы, какъ негоднаго... только сначала меня посадятъ на *недѣлку* на испытаніе въ *имѣющееся у нихъ* въ окружной лѣчебницѣ отдѣленіе. Было предупредительно объявлено, что тамъ имѣется отдѣленіе для *буйныхъ*. Надо замѣтить, что понявъ, въ какія руки я попалъ, я велъ себя кротко и тихо, помятуя «не противься злу». Но, конечно, мстители понимали, что не мудрено не только заявить протестъ, но и потерять терпѣніе при такомъ адскомъ планѣ, гдѣ идейнаго человѣка ставятъ въ безумно-шутовское положеніе. А тамъ недолго попасть и въ «буйное». Но я ослабъ отъ голода и поддался на хитрость, потому что не зналъ, что ихъ «отдѣленіе» ни что иное, какъ домъ сумасшедшихъ и безумныхъ, и кромѣ того не зналъ устройства и порядка этого дома; когда же меня доставили туда, то и протестовать было уже поздно, такъ какъ я уже тамъ былъ не человѣкъ, а на счетъ душевно-больнаго, т. е. потеряваго главную человѣческую способность — разумъ! Для такихъ людей законовъ нѣтъ, а есть только приказъ держать и не пущать. Срока для испытанія тоже нѣтъ. Въ тюрьмѣ есть идея и срокъ, а тутъ ничего нѣтъ, кромѣ глупаго положенія! Въ этомъ весь трагизмъ! Преступленія нѣтъ, а наказаніе есть. Коварнѣе придумать ничего нельзя!

Каково было мое состояніе въ заключеніи, можно судить по тому, что въ моей головѣ стали появляться мысли о веревкѣ, но увя, повѣситься невозможно: все предусмотрено... Нѣтъ ни остраго выступа или угла, чтобы разбить голову. Обстановка ужасна, напоминаетъ гиблое мѣсто, куда бросаютъ ненужныхъ и вредныхъ обществу людей. Съ одной стороны насъ окружали уголовные и душевно-больные люди со всей присущей этому миру атмосферой... Съ другой стороны развратъ съ дѣвками, грубость, произволъ, побой и издѣвательства надъ заключенными приставленными къ намъ солдатамъ. И надъ всѣмъ этимъ царить полное разстройство и упадокъ дѣлъ учрежденія, заключающаго въ своихъ каменныхъ стѣнахъ полторы тысячи человѣкъ! Я другого сравненія, какъ съ инквизиціей и со средневѣковыми застѣнками для этого учрежденія придумать не могу! Но душевное пытаніе придумано во всякомъ случаѣ болѣе утонченно — по послѣднему слову психиатрической науки! Хотя и способы вывертыванія рукъ, шеи, удушеніе, топтаніе ногами, подвѣшаніе и другіе изобрѣненія больныхъ также примѣняются. Такова казанская окружная лѣчебница, куда отправляются на испытаніе (!?) сомнительные для военнаго вѣдомства русскіе свободные граждане! Но нужно считаться съ временемъ! Недаромъ Христосъ сказалъ: «тогда будетъ такая скорбь, которой не было отъ сотворенія міра и послѣ никогда не будетъ!» — Мы сдѣлались жертвами мести худшихъ элементовъ солдатскихъ массъ къ такъ назыв. буржуазіи... Насъ замученныхъ начали опять мучить! Нашли жертвы! Мы съ женой превратились буквально въ какихъ-то замороженныхъ и скелетовъ. Таинственность и неопредѣленность положительно подорвали въ насъ надежду на освобожденіе. Мы думали, что наши земныя счеты окончены, такъ какъ знали, что 10—12 гробовъ ежедневно отвозятся на кладбище. Можетъ быть мы уже стали слабы для испытаній...

Свѣтлыя минуты бывали только тогда, когда приходила жена и приносила присланныя брошюры великаго писателя земли русской. Многіе изъ нихъ я раздавалъ тутъ же заключеннымъ со мной бѣлобилетникамъ и солдатамъ. Читались брошюры съ большимъ интересомъ и на расхватъ. Да и что можетъ быть болѣе удобно для чтенія и просвѣщенія, чѣмъ популярныя писанія Л. Толстого. Лучшаго ничего придумать нельзя. За это святое дѣло и Богъ и люди награждаютъ безкорыстныхъ сѣятелей «добраго и разумнаго!» *Медленное, но вѣрное средство*.

Въ заключеніе письма хотѣлось мнѣ *предупредить и предостеречь* толстовцевъ, (какъ обыкновенно называютъ) и христіанъ, чтобы они были наготовѣ! Приближаются времена мученичества за совѣсть. Насильники не сломлены, и они еще потрясутъ міръ внутреннимъ междоусобиемъ. Самое лучшее по моему для нихъ лѣкарство: знакомство съ писаніями Толстого. «Будьте мудры, какъ змѣи и чисты, какъ голуби».

П. Т. И.

30 іюля 1917 г.

...Хотѣлъ бы подѣлиться нѣкоторыми соображеніями по поводу журнала «Единеніе»... Я думаю, что люди всегда очень нуждались, а теперь въ особенности нуждаются въ томъ, чтобы кто-нибудь показывалъ и освѣщалъ имъ добро, существующее въ жизни и окружающей дѣйствительности при самыхъ даже тяжелыхъ временахъ. Мы не замѣчаемъ, не умѣемъ видѣть и цѣнить добра, какъ совершенно не замѣчаемъ и не цѣнимъ своего здоровья при обыкновенной жизни. Зло само себя обнаруживаетъ, выступаетъ повсюду впередъ, невольно затемняетъ зрѣніе, и въ концѣ концовъ мы перестаемъ видѣть что-либо кромѣ зла. Этому много способствуетъ направленіе большей части нашей печати, которая охотно выискиваетъ и преподноситъ читателю скандальную или уголовную хронику, но почти умалчиваетъ все то доброе, что дѣлается на свѣтѣ. Мнѣ кажется, что «Единеніе» могло бы взять на себя такую задачу. Правда, что въ программѣ журнала намѣчены соответствующіе отдѣлы (3. Нравственное движеніе въ Россіи, 4. Біографіи реформаторовъ жизни, 15. Союзы доброй жизни, 16. Хроника добрыхъ поступковъ), но кажется эти отдѣлы не выдвинуты на первый планъ и въ томъ номерѣ (№ 1-й), который я прочелъ, сравнительно слабо представлены.

Слѣдовало бы выдѣлять и освѣщать добро именно въ текущей современной намъ жизни, прозрѣвая его въ такъ называемой «дурной дѣйствительности». Это, правда, нелегко дѣлать и не всякому доступно такое прозрѣніе, но именно въ этомъ направленіи люди особенно нуждаются въ помощи. «Когда волнуется желтѣющая нива... и въ небесахъ я вижу Бога». Увидѣть Бога въ небесной лазури — доступно многимъ, кромѣ поэта, но увидѣть проблески лучшаго будущаго, ростки добра и общаго счастья, приближеніе Царствія Божія въ то время, когда земля залита кровью и слезами, когда торжествуетъ зло и всѣ задыхаются отъ взаимной ненависти, и не только самому увидѣть, но показать и другимъ, ободрить впадающихъ въ уныніе и отчаяніе, — это очень трудное, но необходимое дѣло. Конечно, наряду съ этимъ должна итти и хроника, которая любовно отмѣчала бы все доброе, положительное въ нашей текущей жизни.

Между прочимъ способность къ вышесказанной интуиціи или прозрѣнію добра была присуща среди нашихъ писателей Достоевскому, но сопровождалась у него нерѣдко истерическимъ надрывомъ, а иногда даже какимъ-то садизмомъ, поэтому можетъ быть и самая любовь у него имѣть характеръ скорѣе фیزیологической жалости, мучительнаго состраданія къ ближнему.

Совсѣмъ инымъ путемъ ведетъ насъ къ тому же дорогой другъ А. П. Чеховъ, который дѣйствительно умѣлъ съ особой гениальной простотой все понять, все полюбить и, конечно, все простить. Если вы вмѣстѣ съ нимъ постараетесь увидѣть и понять, напимѣръ, пьянаго священника въ «Писемѣ», то вы непременно полюбите его, именно полюбите, а не «сострадать» или «жалѣть» станете, полюбите потому, что увидите въ немъ самого себя, почувствуете, что при подобныхъ же обстоятельствахъ вы непременно опустили бы такъ же, или еще ниже, а разъ вы дѣйствительно полюбите, то и оправдаете и простите его отъ души, какъ мы всегда оправдываемъ и прощаемъ въ концѣ концовъ свои собственные грѣхи и слабости...

Недавно мнѣ попалась мысль Чехова о непротивленіи, которую выпи-сываю вамъ: «...мнѣ кажется, я такъ чувствую, что въ нашей борьбѣ со зломъ есть какая-то фальшь, точно что-то недосказано или скрыто. Богъ знаетъ, быть можетъ, наши приемы въ противленіи злу принадлежатъ къ числу предрасудковъ, которые вкоренились въ насъ такъ глубоко, что мы уже не въ силахъ разстаться съ ними и потому уже не можемъ судить о нихъ правильно... Быть можетъ человѣкъ ошибается, что онъ обязанъ и имѣть право бороться со зломъ такъ же, какъ ошибается, думая, напимѣръ, что сердце имѣетъ видъ червоннаго туза. Очень можетъ быть, что въ борьбѣ со зломъ мы имѣемъ право дѣйствовать не силой, а тѣмъ, что противоположно силѣ, т. е. если ты, напимѣръ, хочешь, чтобы у тебя не украли этой картины, то не запирай ее, а отдай... Мнѣ кажется, что если бы всѣ мы, мыслящіе люди, посвятили себя рѣшенію большихъ задачъ, то всѣ эти твои вопросы, надъ которыми ты теперь бьешься, рѣшились бы сами собой, побочнымъ путемъ. Если ты поднимешься на шарфъ, чтобы увидѣть городъ, то поневолѣ, само собою, увидишь и поля, и деревни, и рѣки... Когда добываютъ стеаринъ, то, какъ побочный продуктъ, получается глицеринъ. Мнѣ кажется, что современная мысль засѣла на одномъ мѣстѣ и прилипла къ этому мѣсту. Она предубѣждена, вяла, робка, боится широкаго, гигантскаго полета, какъ мы съ тобой боимся забраться на высокую гору, она консервативна». (См. «Хорошіе люди»).

Теперь «о любви къ отечеству и народной гордости». Слѣдовало бы выяснитъ вопросъ: не досрости ли мы до чувства истиннаго патриотизма, или, наоборотъ, уже переросли его? Я думаю скорѣе — послѣднее. Исторія свидѣтельствуетъ, что русскому народу это чувство не было чуждо, — даже созданіе Государства Россійскаго именно на немъ основывалась главнѣйшая образцовъ. Борьба съ татарами, турками, половцами, поляками, Мининъ и Пожарскій, запорожская сѣча, двѣнадцатый годъ и пр. подтверждаютъ, что въ прошломъ славяне умѣли и хотѣли защищать свою родину. Наше старое правительство, однако, давно ужъ сочло необходимымъ насажденіе и утвержденіе патриотизма на Руси (потѣшныя, церковно-приходскія школы, союзы русскаго народа, спеціальныя учебники исторіи и спеціальная народная и солдатская литература, подобная изданіямъ Березовскаго)... Новое революціонное правительство хлопочетъ усиленно о томъ же при помощи резолюцій, воззваній, приказовъ и даже дошло до возстановленія смертной казни, чтобы хотя этой крайней мѣрой заставить русскихъ людей полюбить и защищать свою родину. Я хорошо понимаю, что нравственный путь нельзя начинать съ того, чтобы оставить отца и мать и объявить себя врагомъ въ отношеніи домашнихъ своихъ, но слѣдуетъ сначала почитать родителей и заботиться о семьѣ, а потомъ уже переходить на высшія ступени, какъ и Христосъ сдѣлалъ въ своей жизни. Съ другой стороны можетъ быть нашъ народъ въ цѣломъ уже прошелъ всѣ ступени развитія патриотизма и теперь не можетъ вернуться вспять, какъ и мы съ вами при всемъ желаніи не можемъ снова сдѣлаться дѣтьми, а можемъ только подражать имъ. Въ такомъ случаѣ никакія насилія вплоть до смертной казни не создадутъ у насъ того патриотическаго одушевленія которое мы видимъ въ Германіи и въ другихъ странахъ.

Какой же исходъ войны? Я думаю, что война не можетъ кончиться побѣдой Германіи, такъ какъ это означало бы торжество насилія, торжество постояннаго милитаризма; но не можетъ война окончиться и военною

побѣдой союзниковъ надъ Германіей, такъ какъ это означало бы совершенно-то же самое, т. е. утверждало бы необходимость военного могущества и возстановляло бы весь прежній порядокъ отношеній между народами. Слѣдовательно, война должна окончиться пораженіемъ Германіи не путемъ военной побѣды надъ нею, а какимъ-то другимъ способомъ. Какимъ именно—я не знаю. Можетъ быть, Россія приметъ здѣсь добровольно на себя роль международной жертвы и будетъ уничтожена, какъ государство, откажется отъ самой себя ради общаго блага человѣчества. Можетъ быть суждено Германіи одержать все-таки военную побѣду и временно достигнуть еще большаго военного могущества съ тѣмъ, чтобы потомъ погибнуть, какъ погибло нѣкогда римское государство. Я не историкъ и не могу предсказывать будущаго, но внутренне знаю, что война должна быть прекращена и будетъ прекращена не путемъ военнымъ.

В. Сланскій.

Елецъ, 1 авг. 1917 г.

Прочитавъ Вашу газету «Единеніе», я, старая мать, преклоняюсь передъ Вашими свѣтлыми мыслями, т. е. о мирѣ всего міра. Вы поймете насъ, матерей, потерявшихъ своихъ сыновей въ этой бойнѣ. Нѣтъ ни словъ, ни силъ выразить нашу душевную скорбь. Приказанія теперешнихъ властителей не менѣе жестоки приказанія кесаря объ избіеніи младенцевъ въ Вифлеемѣ, но тогда были варвары. Чѣмъ же считать этихъ жестокихъ варваровъ, избивающихъ уже четвертый годъ непрерывно нашихъ сокровища, т. е. нашихъ дѣтей и мужей. Я ни одного слова не могу найти себѣ утѣшенія и оправданія тѣхъ, кто послалъ и кто этому способствуетъ. Вѣдь многія дѣла рѣшаютъ голосованіемъ, почему же умные люди не просятъ весь міръ высказать свое слово, нужна ли эта бойня нашихъ дѣтей, мужей, братьевъ всѣхъ государствъ. Пусть большинство голосовъ будетъ справедливо: быть или не быть этой рѣзнѣ дѣтей, еще не издавшихъ жизни. Еще только начали было цвѣсти всѣ эти Божьи созданія, изъ которыхъ вышли бы талантливыя силы и продолженіе рода человѣческаго. Всѣ они зарыты въ землю и часть ихъ искалѣчена. Души наши полны скорби и печали и раны наши залѣчить и забыть мы не можемъ, это вѣчно точащая боль. За что погибъ мой мальчикъ, только что ставшій на ноги или за что погибъ отецъ сосѣдки, оставившій четверыхъ дѣтей и стариковъ родителей, которые стали просить милостыню, тогда, какъ при отцѣ они были сыты. Многія матери не перенесли горя и умерли, оставивъ сиротъ на произволъ судьбы. Многія матери не знаютъ могилъ дорогихъ своему сердцу людей. Мнѣ пришлось видѣть эти могилы въ полѣ на дорогѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ лежатъ ихъ родныя дѣти, и скоро этихъ могилъ не будетъ, такъ какъ они часто похоронены на дорогахъ.

Умоляю—объедините матерей всего свѣта, чтобы мы могли кого-нибудь просить... Вѣдь терпѣнію нѣтъ конца. Дѣти ропщутъ и ихъ, какъ александрийскихъ змѣй, попираютъ, и мы должны покорно благословлять ихъ на бой и убивать другихъ, не издавшихъ отъ нихъ ничего дурного. Помогите намъ спасти хотя послѣднихъ. Не надо намъ богатствъ, не надо намъ много земли, мы будемъ сѣять на камняхъ и пескѣхъ и поливать своими слезами и потомъ, но оставьте намъ нашихъ птенцовъ, которыхъ мы будемъ хранить, какъ зѣницу ока, для продолженія жизни. Вѣдь борятся со смертною дѣтей доктора. Неужто для того, чтобы намъ вырастить и дать на утѣху жестокимъ людямъ, которые считаются десятками, сотнями и хвалятся другъ передъ другомъ—у кого сколько побито. Боже, что это за люди и какія у нихъ сердца. Неужто они никогда не сталкивались съ матерями, которыя бы имъ сказали, что война—сплошной ужасъ и разореніе. Или взять бы у нихъ, кто способствуетъ войнѣ, всѣхъ дѣтей, кто бы они ни были—мальчики или дѣвочки, сейчасъ наслаждающиеся жизнью, тогда какъ наши дѣти умираютъ отъ голода и холода въ сырыхъ окопахъ и убиваютъ ихъ съ неба по послѣдней техники орудіями! Не лучше ли этотъ техническій умъ употребить на улучшение жизни въ городахъ, гдѣ такъ много погибаетъ людей отъ плохихъ жилищъ, чтобы дать людямъ свѣтъ и воздухъ. Вѣдь люди всѣ Божьи созданія и солнце должно свѣтить для всѣхъ одинаково. И жизнь человѣку дана Богомъ, если Онъ есть, или природой. Вѣдь все зависитъ отъ человѣка и его способностей, а не отъ того, кто больше можетъ обманывать народъ и за это получаетъ жалованіе отъ царей, которые не знаютъ людскаго горя и материнскихъ скорбей.

Очень извиняюсь, что плохо пишу, но я думаю, Вы меня поймете и будете такъ любезны отвѣтить скорбной матери, у которой еще трое на войнѣ близкихъ сердцу людей.

Теперь хотятъ отдѣлить Украину. Развѣ это не устраиваніе Рима съ его ареной. Подумайте, какая будетъ междоусобица. Вѣдь міръ содрогнется отъ крови своихъ братьевъ.

Вы только подумайте, сколько убито, сколько искалѣчено, сколько сиротъ, сколько разоренія. Чѣмъ всѣхъ утѣшить, чѣмъ вознаградить, чѣмъ и кто пополнить разореніе и имущество, и зачѣмъ миллионы потратили на убой дѣтей, когда бы, если бы всѣ были живы и раздѣлить эти деньги, сколько было бы радости и какое было бы богатство. А что насъ ждетъ теперь: бѣдность, душевная скорбь дѣтей, оставившихъ насъ, недоѣданіе, безъ теплой обуви, одежды, свѣтлаго и теплаго угла. А все лишь по затѣѣ богатыхъ тщеславныхъ царей, которые (они и ихъ дѣти) ни въ чемъ нужды имѣть не будутъ. Да почему же имъ отъ Бога такое счастье. Вѣдь и они люди, а не Боги?

Мать.

Харьковъ, 23 Іюня г. 1917

Сейчасъ мы получили № 1 «Единенія». Съ радостью привѣтствуемъ начало новой работы въ болѣе свободныхъ условіяхъ. Работа усненія и распространія религіозныхъ истинъ, содѣйствіе усиленію религіознаго сознанія, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общества, только одна можетъ освободить людей отъ бѣдственности и мучительности жизни. Этой работѣ и будетъ служить «Единеніе».

Р. К.

Дѣйствующая армія, 15 Іюня 1917 г.

Я черезъ книги Л. Н. Толстого могу познакомить моихъ друзей съ тѣмъ, чего они никогда не знали, благодаря ложно наученной и вбитой имъ церковной религіи, а теперь начинаютъ просыпаться, благодаря новому слову, которое находятъ въ этихъ книгахъ, въ этой проповѣди Л. Н. Раньше у насъ все свободное время проводили въ игрѣ въ карты

и въ праздныхъ разговорахъ, а теперь собираются и ведутъ бесѣды о Богѣ и любви, вдумываются и доказываютъ свои взгляды о религіи, словомъ пробуждаются и ищутъ Бога. И мнѣ думается, если бы были нѣкоторые руководители и распространяли такіе книги съ богопониманіемъ, какъ теперь распространяютъ партійную литературу, то скоро люди узнали бы слова Христа о любви къ ближнему и не было бы у людей между собой розни и сокращалось бы зло.

Д. Ч.

Якутскъ, 18 Іюня 1917 г.

Благодарю отъ души всѣхъ сотрудниковъ «Единенія». Лейте живую воду изъ вѣчнаго источника Истины и этой водой будутъ утолять свою жажду всѣ духовножаждущіе и будутъ привлекать къ этому источнику тѣхъ, которые жаждутъ, но не знаютъ этого истиннаго источника, а обращаются къ источникамъ загрязненнымъ кровью и трупами человѣческими. Можетъ быть наступившая плотская свобода поможетъ людямъ въ освобожденіи духовномъ, когда только и могутъ люди познать и испытать истинную свободу. Какъ глубоко правъ Левъ Николаевичъ въ своей статьѣ «Объ общественномъ движеніи въ Россіи». Хотя статья эта и была написана о движеніи 1905 года, но высказанныя въ ней мысли относятся и къ настоящей нашей революціи и будутъ относиться и къ будущимъ русскимъ и другимъ революціямъ всего міра, доколѣ люди будутъ воображать, что «измѣненіе внѣшнихъ формъ можетъ измѣнить содержаніе», и правильно говорилъ Л. Н., что улучшеніе общественной жизни можетъ быть достигнуто только однимъ единственнымъ средствомъ: внутреннимъ религіозно-нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ лицъ. У меня является мысль прочесть эту статью Л. Н. публично, мнѣ кажется, что это будетъ совершенно своевременно. Буду хлопотать объ этомъ. Очень мнѣ понравилась статья И. И. Горбунова-Посадова въ № 4 журнала-сборника «Единенія»—«Единое вѣчное», въ которой онъ изложилъ современную ложную жизнь человѣка отъ его рожденія и до смерти. Онъ глубоко правъ. Современная цивилизація заражаетъ молодыхъ побѣги человѣческой души и губитъ жизнь и какъ будто бы получается заколдованный кругъ, но спасеніе человѣка «въ рожденіи его свыше», въ духовномъ возрожденіи, къ чему и надо прилагать всѣ средства исцѣленія отъ современной цивилизаціи.

Желательно было бы, пользуясь свободой печати, выпустить сочиненія Л. Н., до сихъ поръ не дозволявшіяся къ печатанію. Я знаю что это потребуетъ и силъ и средствъ, но можетъ быть почитатели Л. Н.-ча и любящіе его за истину не откажутся внести свою лепту въ это великое и важное дѣло, которое послужитъ къ духовному пробужденію народовъ. Какъ я счастливъ бы былъ, если бы могъ послужить этому дѣлу, хотя бы ворочать машину, которая будетъ ихъ печатать, хотя бы сдѣлаться книгоношею, чтобы распространять ихъ. Можетъ быть, свободная проповѣдь христіанскаго ученія (истиннаго) поведетъ человѣчество по ступенямъ приближенія къ «Царству Божьему».

Ө. О.

Изъ письма тылового солдата, 5 Авг. 1917 г.

Люди, окружающіе меня, имѣютъ шаткіе взгляды. По большей части они увлекаются личными корыстными цѣлями. При чемъ чужіе недостатки видать, а свои не замѣчаютъ. Я кой когда бываю на лекціяхъ и въ собраніяхъ, нѣкоторые говорятъ хорошо, а нѣкоторые—нѣтъ. Но жизнь еще продолжаетъ быть такой же, какой она была: кровь все летитъ и жертвы увеличиваются. А люди только говорятъ. Винятъ другъ друга, одна партія другую, С.-р. и с.-д. меньшевики большевиковъ, а большевики винятъ всѣхъ, и Богъ знаетъ, что идетъ.

Недавно у насъ недалеко отъ города въ лѣсу солдатику языкъ съ губою скovali проволокой и руки назадъ завязали и пустили... и такихъ случаевъ уже слышишь много. Не понимаю, что это такое въ людяхъ. Вотъ напр. когда говоришь съ человѣкомъ о чемъ-нибудь и коснешься нашей дурной жизни, то онъ во всемъ соглашается и признаетъ, что мы дурно живемъ. Но чтобы перестать дѣлать дурное, никто не хочетъ и даже все больше про другихъ говорятъ, что они дурно живутъ. Еще мнѣ приходилось говорить съ прапорщикомъ, который получилъ университетское образованіе, такъ онъ все доказывалъ, что не существуетъ никакой духовной жизни. И вотъ смотришь и удивляешься, для чего люди учатся. Другой образованный человѣкъ мнѣ сказалъ, что вся культура нужна только для того, чтобы на другихъ ѣздить. И всѣми этими разсужденіями они только мутятъ темный народъ...

С. П.

Изъ глухой провинціи, 1 Іюля 1917 г.

Первое время послѣ переворота я была очень счастлива тѣмъ, что масса томившихся людей въ тюрьмахъ была выпущена на свѣтъ Божій, что отиѣнена смертная казнь, и мнѣ думалось, что люди, правильно понимающіе ученіе Христа, не будучи стѣснены внѣшними условіями и поэтому могущіе свободно проводить въ жизнь свое мировоззрѣніе, сейчасъ же немедленно воздѣйствуютъ на народныя массы, но къ сожалѣнію, у насъ въ деревняхъ пока еще незамѣтно ни малѣйшаго смягченія нравовъ. Имущіе люди, бывшіе угнетателями народа, помѣнявшись съ нимъ ролями, подвергаются съ его стороны не меньшему насилию, благодаря чему месть и вражда между этими классами доходитъ до самосудовъ и всевозможныхъ жестокостей. Но мнѣ все-таки хочется вѣрить, что въ концѣ концовъ люди образуются и поймутъ, что мщеніе, вражда и другія звѣринныя чувства, одушевляющія сейчасъ людей, не могутъ дать имъ спокойной и радостной жизни. Не хочется впадать въ уныніе и терять надежду на торжество правды Божьей на землѣ.

А. Бенкевичъ.

Августъ, 1917 г.

Мы всѣ забыли объ очень важномъ—о смерти. Вѣдь пройдетъ 50 лѣтъ, и насъ не станетъ, никого не станетъ: ни друзей нашихъ, ни враговъ. Для меня, по крайней мѣрѣ, это очень важно—при этой мысли хоть на 5 минутъ проникаешься торжественностью, успокаиваешься и искренно хочется ко всѣмъ относиться равно и ласково; и какъ незначительны становятся событія сегодняшняго дня: торгъ съ кадетами, большевиками, конференціи, побѣда надъ нѣмцами, что говорить Рибо или Ленинъ. Можетъ быть, все это нужно для будущихъ поколѣній? Чувствую что не нужно; для насъ теперь совершенно безразличенъ вопросъ о «мѣ-

стничества», который для бояры когда-то был очень насущным и болезненным вопросом; а бритье бороды и ношение длинных одежд? а поны «бѣлой и алой розы»? Исусъ или Исусъ? Балканскія войны, политика Годунова... Пожалуй, всѣ такіе бывшія и настоящія мелочи и оказываютъ вліяніе на человѣчество, можетъ и нужны для людей, но совсѣмъ не въ такомъ отношеніи, какъ мы или предки наши предполагали; можетъ вся наша толча сегодншняго дня нужна для будущихъ, какъ доказательство отъ противнаго? Если такъ, то обидно сознавать, что мы приняли на себя такую ничтожную задачу, въ то время, какъ у каждаго изъ насъ навѣрное имѣются болѣе высокія и могущественныя возможности.

Если бы вдругъ всѣмъ намъ стало извѣстно, что на слѣдующей недѣлѣ мы умремъ, какъ бы измѣнилось наше отношеніе къ самому себѣ, другъ къ другу, къ происходящимъ событіямъ; какое наступило бы умноженіе, какъ бы мы стали ласково-внимательны другъ къ другу, къ знакомымъ и незнакомымъ. Когда разстаешься съ человѣкомъ, съ которымъ прожилъ долгое время вмѣстѣ, то отходятъ на задній планъ всѣ шероховатости прожитой съ нимъ жизни, забываются всѣ горечи ея... Будемъ же жить во всю, что есть силъ, только бы не забывать о смерти, о вѣчности.

В. М.—вѣ.

Хроника.

Резолюція группы членовъ Всероссийскаго Крестьянскаго Съѣзда.

На происшедшемъ въ Маѣ въ Петроградѣ Всероссийскомъ Крестьянскомъ Съѣздѣ депутатомъ отъ Крапивненскаго уѣзда, Тульской губ. С. М. Булыгинимъ, освобожденнымъ изъ тюрьмы, гдѣ онъ содержался временно, ожидая ссылки въ Сибирь за опубликованное имъ въ 1915 г. христіанское воззваніе противъ войны, — предложена была слѣдующая резолюція:

1. Христіане-депутаты Всероссийскаго Крестьянскаго Совѣта находятъ всякую войну, а въ томъ числѣ и настоящую, величайшимъ преступленіемъ передъ Богомъ и братьями-людьми и кореннымъ нарушеніемъ основныхъ заповѣдей христіанства: «Не убій» и «Люби ближняго, какъ самого себя».

2. Депутаты выражаютъ свое порицаніе христіанскому духовенству всѣхъ воюющихъ державъ за ту преступную роль, которую оно сыграло и въ настоящей братоубійственной войнѣ, кощунственно благословляя на нее отъ имени Христа свои народы.

3. Вмѣстѣ съ тѣмъ депутаты обращаются къ христіанскому духовенству всѣхъ воюющихъ странъ съ призывомъ немедленно прекратить позорное участіе духовенства въ безбожной анти-христіанской войнѣ народовъ и хотъ теперь единодушно во всѣхъ странахъ выступить съ протестомъ противъ нея и громко сказать наконецъ истинно-христіанское слово въ ея осужденіе.

4. Депутаты обращаются также къ братьямъ-людямъ всѣхъ воюющихъ державъ и особенно къ христіанамъ съ горячимъ призывомъ, не взирая на всю тьму и взаимную ненависть, охватившую міръ, вспомнить о Богѣ и Его святомъ дѣлѣ любви, милосердія и братской жизни и во имя этого отказаться отъ всякаго участія въ томъ страшномъ, преступномъ братоубійствѣ, въ которое вовлекли свои народы безжалостныя, язычскія правительства въ союзъ съ алчными капиталистами и продажнымъ, измѣнчившимъ Христу, духовенствомъ.

5. По вопросу избавленія человѣчества отъ войнъ депутаты полагаютъ, что мирныя конференціи, третейскіе международные суды и парламенты и другія подобныя имъ учрежденія являются средствами недостаточными, ибо они не могутъ обезпечить полного разоруженія народовъ, а значитъ и предупредить возможность новаго вѣроломнаго нападенія одной страны на другую.

Въ виду этого депутаты признаютъ, что настоящимъ, кореннымъ средствомъ полного избавленія человѣчества отъ войнъ является только распространеніе въ людяхъ свѣта истинно христіанской религіи, признающей всѣхъ людей всѣхъ народовъ братьями, дѣтьми одного Бога, на ряду съ отиратыми, твердыми и мужественными провозглашеніемъ всякаго братоубійства всегда и вездѣ, а въ томъ числѣ и на войнѣ, величайшимъ преступленіемъ, недопустимымъ для христіанина ни въ какомъ случаѣ.

Ознакомившись съ содержаніемъ резолюціи, президіумъ Съѣзда не поставилъ ее на голосованіе, какъ бы слѣдовало, а допустилъ только къ оглашенію въ формѣ деклараціи безъ преній на засѣданіи отъ 26 мая. Въ результатѣ оглашенія, 77 участниковъ Съѣзда выразили свое желаніе подписаться подъ резолюціей.

Эта же резолюція была отпечатана сочувствующими лицами въ Москвѣ, гдѣ какъ разъ происходилъ Всероссийскій Съѣздъ духовенства. 10-го іюня петроградская резолюція доставлена была президіуму Съѣзда духовенства. Президіумъ отказалъ въ разрѣшеніи раздать ее членамъ въ помѣщеніи самаго Съѣзда. Стали раздавать около входа. Члены Съѣзда начали вступать въ споръ съ принесшими резолюцію, при чемъ нѣкоторые священники доказывали, что Христосъ не запрещалъ не только войны, но и смертной казни. Въ концѣ концовъ, одинъ изъ принесшихъ резолюцію былъ отправленъ въ комиссаріатъ. Кстати сказать, на томъ же Съѣздѣ безпрепятственно раздавались, съ разрѣшенія президіума, листки съ воинственными рѣчами и статьями, призывающими къ наступленію.

Общество Истинной Свободы въ память Л. Н. Толстого.

УСТАВЪ.

1. Общество истинной свободы въ память Л. Н. Толстого имѣетъ цѣлью облегченіе общенія между всѣми, сочувствующими тому жизнепониманію, выразителемъ котораго является Толстой, а также содѣйствіе просвѣтительнымъ задачамъ.

2. Для достиженія своихъ цѣлей Общество учреждаетъ состоящее изъ его членовъ Справочное Бюро, клубъ для собесѣдованій, открываетъ библиотечку-читальню, издаетъ и распространяетъ книги, устраиваетъ лекціи и собранія, принимаетъ участіе въ оказаніи помощи преслѣдуемымъ за религіозныя убѣжденія и т. д.

3. Членами общества могутъ быть всѣ желающіе, безъ баллотировки. 4. Каждый изъ членовъ, вступающихъ въ Общество, сохраняетъ за собой полную свободу во всѣхъ вопросахъ своей вѣры и жизни.

5. Приципальная выступленія той или иной отдѣльной группы членовъ, хотя и составляющей большинство, не являются нравственно обязательными для всѣхъ остальныхъ членовъ Общества и могутъ быть производимы никакъ не отъ лица Общества, но только за отвѣтственностью тѣхъ лицъ, которыя присутствовали на данномъ собраніи и къ нимъ присоединились.

6. Вопросы чисто практическіе и организационные рѣшаются большинствомъ голосовъ на общихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ Совѣта, которому поручается установленіе порядка и программы собесѣдованій.

7. Общія собранія О-ва бываютъ: 1) дѣловыя, созываемыя Совѣтомъ по мѣрѣ надобности или по желанію не менѣе 20 членовъ О-ва, при чемъ правомъ голоса на нихъ пользуются только члены О-ва; и 2) имѣющія характеръ собесѣдованій по разнымъ вопросамъ съ правомъ участія въ нихъ всѣхъ присутствующихъ. Собесѣдованія начинаются съ чтенія или доклада, послѣ чего слѣдуетъ свободный обмѣнъ мнѣній. Не исключается также возможность пѣнія и музыки.

8. Наличность, такъ называемаго предсѣдателя О-ва признается излишней. На общихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ Совѣта, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общее собраніе пожелаетъ избрать предсѣдателя изъ числа другихъ членовъ Общества.

9. Всѣ дѣла О-ва рѣшаются общимъ собраніемъ, которое для непосредственнаго завѣдыванія ими избираетъ на одинъ годъ Совѣтъ, состоящій изъ числа не менѣе 5 членовъ. Члены Совѣта, выбывающіе до срока, замѣщаются вновь избранными на первомъ же общемъ собраніи.

10. Средства общества составляютъ изъ ежегодныхъ членскихъ взносовъ, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ каждымъ добровольно, а также изъ пожертвованій и другихъ поступленій.

11. Храненіе денежныхъ суммъ, а также веденіе протоколовъ собраній поручается Совѣтомъ отдѣльнымъ членамъ, входящимъ въ его составъ.

12. Для измѣненія устава требуется присутствіе на общемъ собраніи не менѣе двухъ третей членовъ О-ва, проживающихъ въ Москвѣ. Въ случаѣ неприбытія означеннаго числа членовъ, собраніе считается не состоявшимся и назначается новое общее собраніе не позднѣе, какъ черезъ двѣ недѣли. Вторичное собраніе считается состоявшимся при всякомъ числѣ явившихся на засѣданіе членовъ О-ва. Вопросъ объ измѣненіи устава можетъ быть возбужденъ Совѣтомъ или не менѣе чѣмъ 20 членами О-ва, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ Совѣтъ долженъ предварительно обсудить предполагаемое измѣненіе и свое заключеніе по этому поводу представить общему собранію.

Клубъ для собесѣдованій, читальня и Справочное Бюро открыты отъ 6 до 11 ч. веч. ежедневно, въ помѣщеніи Вегет. О-ва.—Адр. для писемъ: Москва, Газетный пер., 12, кв. Вегет. О-ва, для Справочн. Бюро О. И. С.—Адр. для денегъ: Москва, Поварская, 18, Толстовскій Музей, В. О. Булгакову, для О. И. С.

Общество „Всероссийскій Свободный Кустарь“ Москва, Тверская, 70. Тел. 65-20.

Учредители Общества: М. М. Прокофьевъ, Н. П. Виноградовъ, Н. В. Чайковский, В. Г. Чертковъ и др.

Цѣли Общества: содѣйствіе развитію кустарныхъ промысловъ въ Россіи на кооперативныхъ началахъ и облегченіе нахожденія заработка безработнымъ крестьянамъ и инвалидамъ.

Подробное изложеніе цѣли, правъ и обязанностей Общества и способа управленія дѣлами напечатаны въ Уставѣ Общества, который высылается желающимъ за 20 коп. почтовыми марками. За получениемъ его можно обращаться по вышеуказанному адресу или по адресу члена-учредителя В. Г. Черткова: Москва, Лефортовскій пер. д. 7.

Лекція о земельномъ вопросѣ.

Въ воскресенье, 6 августа, въ г. Звенигородѣ, Московской губ., въ Народномъ домѣ была прочитана лекція на тему: „Земельный вопросъ по Генри Джорджу и Льву Николаевичу Толстому“. Читаль С. Д. Николаевъ, по отзыву Л. Н.-ча, лучшей, знатокъ взглядовъ Джорджа. На бесплатную лекцію собралось довольно много мѣстной интеллигентной публики и еще больше крестьянъ и крестьянокъ. Во время же лекціи на нее пришли нѣсколько делегатовъ отъ засѣдавшего неподалеку Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ уѣзда. По мѣрѣ того, какъ С. Д. Николаевъ развивалъ проектъ земельной реформы и идею единого налога по Джорджу, становилось замѣтнымъ, какъ крестьяне, особенно старики, съ глубокимъ интересомъ, а иные съ восхищеніемъ воспринимали сущность взглядовъ Джорджа. По окончаніи же лекціи, послѣ дружескихъ аплодисментовъ, къ Николаеву подошелъ предсѣдатель Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ и, разговаривавшись съ нимъ о земельномъ вопросѣ, предложилъ ему въ тотъ же день повторить свой докладъ въ присутствіи всего Совѣта Депутатовъ. — Послѣ лекціи слушателями въ нѣсколько минутъ были раскуплены продававшіяся въ Народномъ домѣ книги Джорджа и о немъ, а также охотно приобретались разныя писанія Л. Н. Толстого.

Небезынтересно то, что въ Москвѣ на происшедшемъ недавно губернскомъ съѣздѣ Крестьянскихъ Депутатовъ Николаевъ не былъ допущенъ руководителями съѣзда къ сообщенію съѣзду идей Генри Джорджа. Соціалисты-революціонеры къ Джорджу оказались чуть ли не также нетерпимы, какъ истые церковники къ отпавшимъ отъ православія сектантамъ.

Общество друзей всеобщаго мира.

Группой единомышленниковъ Л. Н. Толстого, во главѣ съ М. С. Дудченко, основано въ Полтавѣ Общество друзей всеобщаго мира, выпустившее на дняхъ воззваніе по поводу войны, съ напечатаннымъ на оборотѣ текстомъ извѣстной «мирной марсельезы» (слова Хирьякова). По воскресеньямъ въ Полтавѣ устраиваются собранія съ докладами на темы: о войнѣ, о насиліи вообще, о назначеніи жизни, о смертной казни, о поступленіяхъ противъ нынѣшней войны въ Россіи и за-границей и т. д.

Предполагается, что Полтавское Вегетарианское Общество сольет свою деятельность с Обществом друзей всеобщего мира и явится лишь частью послѣдняго.

Какъ о любопытной чертѣ, сближающей полтавское общество сь «Арміей спасенія» Бутса, намъ сообщаютъ о манерѣ ихъ основателей, выходя на улицу, имѣть всегда при себѣ флагъ сь надписью „Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“. Флагъ привлекаетъ любопытство публики къ несущему, и послѣдній получаетъ возможность сообщать интересующимся свои взгляды.

Резолюція „Объ друзей всеобщаго мира“.

«Мы, друзья всеобщаго мира, во имя требованій своего сознанія и своего нравственнаго чувства, считаемъ своимъ долгомъ снова открыто выразить свое искреннее возмущеніе и порицаніе войнѣ и возстановленію отмѣненной смертной казни, какъ тому ужасному, нечеловѣческому дѣлу, которое, несмотря на 19 вѣковъ проповѣди христіанства, все еще находитъ себѣ мѣсто въ человѣческомъ обществѣ.

Убѣжденные въ томъ, что основная внутренняя причина войнъ, а равно и смертныхъ казней заключается въ нашемъ отношеніи къ насилию, которымъ мы привыкли пользоваться для достиженія и огражденія своихъ матеріальныхъ преимуществъ, мы чувствуемъ прежде всего свою собственную отвѣтственность за всѣ совершаемые нынѣ ужасы братоубійства и думаемъ, что только это искреннее сознаніе своей виновности, своей преступности можетъ дать намъ силы измѣнить свою жизнь и тѣмъ сдѣлать самые дѣйствительные шаги къ прочному миру, основанному на уваженіи къ достоинству каждаго человѣка. Ибо безъ этого условія никакія мирныя конференціи, никакіе международные суды и парламенты не смогутъ обезпечить полного разоруженія народовъ. И пора уже намъ перестать цѣликомъ надѣяться на нихъ!

При этомъ мы увѣрены, что и самое продолженіе настоящей войны зависить не столько отъ того, что находятся люди, охваченные обманомъ ложнаго патриотизма или жадной наживы и желающіе воевать, сколько отъ того, что всѣ чувствующіе въ сердцѣ своемъ отвращеніе къ пролитію крови слишкомъ пассивны и ничѣмъ не противодействуютъ ему.

Поэтому будучи готовыми открыто исповѣдывать передъ людьми то что мы думаемъ, мы обращаемъ къ братьямъ всѣхъ воюющихъ народовъ съ горячимъ призывомъ вспомнить о томъ, что есть святаго въ нашей душѣ влекущаго насъ къ любви, милосердію и братской жизни, и быть вѣрными самимъ себѣ, дабы не участвовать ни въ какихъ дѣлахъ насилия, помогая всякаго рода насильникамъ и по мѣрѣ силъ каждаго изъ насъ дѣятельно тушить страшный пожаръ войны...

Да поможетъ намъ Богъ.

Составлено М. Дудченко (слѣдуетъ 20 подписей)

О свободѣ совѣсти.

Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну узаконеній постановить:

1. Каждому гражданину Россійскаго Государства обезпечивается свобода совѣсти. Посему пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ принадлежности къ вѣроисповѣданію и никто не можетъ быть преслѣдуемъ и ограничиваемъ въ какихъ бы то ни было правахъ за убѣжденія въ дѣлахъ вѣры.

2. Принадлежность къ вѣроисповѣданію малолѣтнихъ, не достигшихъ девятилѣтняго возраста, опредѣляется ихъ родителями. При отсутствіи соглашенія родителей, малолѣтніе принадлежатъ къ вѣроисповѣданію отца. При раздѣльномъ жительство родителей дѣти принадлежатъ къ вѣроисповѣданію родителя, при которомъ они находятся.

3. Въ случаѣ смерти или неизвѣстности родителей и невозможности установить принадлежность къ вѣроисповѣданію малолѣтнихъ, не достигшихъ девятилѣтняго возраста, принадлежность къ вѣроисповѣданію малолѣтнихъ опредѣляется ихъ усыновителями или опекунами.

4. Для перехода достигшихъ четырнадцатилѣтняго возраста изъ одного исповѣданія въ другое, или признанія себя не принадлежащими ни къ какой вѣрѣ, не требуется ни разрѣшенія, ни заявленія какой-либо власти. Правовые же отношенія, вытекающія изъ принадлежности къ данному исповѣданію, прекращаются письменнымъ или устнымъ заявленіемъ оставляющаго это исповѣданіе мѣстному судѣ.

5. Поступившее въ порядкѣ, указанномъ въ предшествующей (4) статьѣ, заявленіе мѣстнымъ судьей немедленно сообщается приходу или религіозной общинѣ, къ которымъ принадлежало оставившее ихъ лицо. О лицахъ признающихъ себя не принадлежащими ни къ какой вѣрѣ, сообщается подлежащему органу мѣстнаго самоуправленія.

6. Малолѣтніе, не достигшіе девятилѣтняго возраста, могутъ быть переводимы въ другое вѣроисповѣданіе при переходѣ въ таковое обоихъ родителей, или оставшагося въ живыхъ родителя. При переходѣ же одного изъ родителей въ другое вѣроисповѣданіе и отсутствіи между родителями соглашенія малолѣтніе, не достигшіе девятилѣтняго возраста, сохраняютъ принадлежность къ прежнему исповѣданію.

7. Малѣтніе, въ возрастѣ свыше девяти лѣтъ не могутъ быть переводимы въ другое исповѣданіе безъ ихъ согласія.

8. Акты гражданского состоянія лицъ не принадлежащихъ ни къ какому вѣроисповѣданію, ведутся органами мѣстнаго самоуправленія по правиламъ, содержащимся въ статьяхъ 39—51 раздѣла II именного высочайшаго указа 17-го октября 1906 года о порядкѣ образованія и дѣйствія старообрядческихъ и сектанскихъ общинъ и о правахъ и обязанностяхъ, входящихъ въ составъ общинъ послѣдователей старообрядческихъ согласій и отдѣлившихся отъ православія сектантовъ («Собр. узак.» 1728).

9. Дѣйствіе настоящихъ правилъ не распространяется на изувѣрныя ученія, указанные въ статьѣ 96 уголовного уложенія (св. зак., т. XV изд. 1909 г.)

10. Настоящее постановленіе (ст. ст. 1—9) ввести въ дѣйствіе до обнародованія его правительствующимъ сенатомъ.

Подписали: Замѣститель министра-предсѣдателя Н. Некрасовъ.

За управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, товарища министра Салтыковъ.

14-го іюля 1917 г.

(«Вѣстникъ Временнаго Правительства», 1917, № 109 отъ 20 іюля).

Японцы о Толстомъ.

Въ Японіи съ начала этого года выходитъ довольно значительный по объему ежемѣсячный журналъ «Толстой Кенкю» т. е. «Изученіе Толстого», въ майскомъ номерѣ котораго помѣщена статья, заключающая слѣдующія строки о вліяніи Толстого въ Японіи.

«Для насъ же Толстой—первый изъ великихъ учителей, если не единственный, который ясно поставилъ передъ нами вопросы о смыслѣ и значеніи жизни, такъ какъ его слова вызываютъ въ насъ больше сочувствія и больше душевнаго отклика, чѣмъ проповѣди родственныхъ намъ восточныхъ мыслителей. И ликъ великаго писателя, его сосредоточенный взглядъ и вся его выразительная типично русская наружность для насъ незабвенны.

«Ясная же Поляна—нашъ Іерусалимъ. Сплоченные великимъ именемъ, Толстого мы постараемся свято сохранить и развить то, что онъ оставилъ намъ въ духовное наслѣдство».

Ко дню 28-го августа.

(Письмо въ редакцію).

28-го августа мы впервые встрѣтимъ день рожденія величайшаго писателя земли русской Л. Н. Толстого въ Россіи, освободившейся отъ той старой власти, которая всячески старалась заглушить распространеніе великаго слова Льва Николаевича, запрещала его сочиненія, сажала въ тюрьмы за ихъ изданіе и распространеніе, всячески преслѣдовала, отправляла въ остроги и ссылку единомышленныхъ ему людей, пытавшихся идти по указываемымъ имъ дорогамъ къ освобожденію и возрожденію человѣчества, запрещала школамъ и библіотекамъ носить его имя, срывала со стѣнъ училищъ и читаленъ портреты величайшаго генія страны.

Въ рабской Россіи чествованіе Толстого въ народной школѣ, въ народной средѣ были запрещены. Въ свободной Россіи день рожденія ея великаго генія долженъ стать великимъ торжествомъ.

Этотъ день долженъ быть посвященъ живому памятованію о Львѣ Николаевичѣ, воссозданію передъ народной и дѣтской аудиторіей его облика въ его цѣломъ, какъ великаго творца и великаго учителя, апостола любви и освобожденія. Пусть звучитъ въ этотъ день передъ дѣтьми и народомъ во всѣхъ его кругахъ хотя бы самое краткое повѣствованіе о его жизни, о его любви и борьбѣ. Пусть изъ устъ чтецовъ, изъ устъ учителей, изъ дѣтскихъ устъ звучатъ строки изъ его величайшихъ художественныхъ, религіозныхъ и социальныхъ произведеній. Пусть пророческое слово его звучитъ повсюду на Руси, зажигая и окрыляя души.

Школа должна идти впереди всѣхъ въ этомъ празднованіи. Всѣ дѣти русскаго народа должны знать, кто былъ величайшій другъ народа, ярко и ясно знать о томъ, о комъ весь міръ говоритъ, о величайшемъ геніи русскомъ, какъ о великомъ геніи мировомъ.

Дѣтямъ отдавъ онъ столько души своей, столько труда, столько любви. И свѣтлою радостью долженъ дышать школьный праздникъ въ честь великаго ясногополянскаго школьнаго учителя.

Такъ же, какъ школы—начальныя, среднія, высшія для дѣтей и молодежи, также библіотеки и читальни, народныя аудиторіи и курсы, кооперативы и рабочія организаціи могли бы стать центрами такого народнаго празднованія въ городахъ и деревняхъ.

— Не до праздниковъ теперь,—быть можетъ, скажетъ кто-нибудь.

О, да, не до веселья теперь, въ эти дни крови и всеобщаго горя, но такіа торжества необходимы, какъ свѣжій воздухъ для задыхающагося въ самые ужасные дни,—сни возвѣстать о грядущей побѣдѣ любви надъ злобой, свѣта надъ тьмой, которая должна же совершиться. Они поднимутъ въ насъ поколебавшуюся вѣру въ человѣка.

Празднованіе рожденія Льва Толстого въ этомъ году нужнѣе намъ, чѣмъ когда бы то ни было.

И. Горбуновъ Посадовъ.

Отказы отъ военной службы.

Въ московскомъ военномъ округѣ получено увѣдомленіе главнаго управленія генеральнаго штаба о томъ, что всѣ военнообязанные обязаны служить въ войскахъ, отказывающіеся отъ военной службы по религіознымъ убѣжденіямъ подлежатъ законной отвѣтственности.

(Русск. Вѣдом. 17 сент. 1917 г. № 212).

Отъ издательства.

Настоящій выпускъ № 3 «Голоса Толстого» и «Единенія» является непосредственнымъ продолженіемъ первыхъ двухъ выпусковъ вышедшихъ подъ заглавіемъ «Единенія».

Измѣненіе названія нашего повременнаго изданія имѣютъ цѣлью болѣе рѣзко отличить его отъ другихъ газетъ со сходными заглавіями.

Вслѣдствіе крупнаго повышенія типографскихъ расходовъ, намъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, пришлось увеличить и цѣну настоящаго изданія.

Редакторъ В. Г. Чертковъ.